

Т 64
36855

НИКОЛАЙ
ТОЩАКОВ

ЦАРОМА

Г

НИКОЛАЙ ТОЩАКОВ

Ч А Р О М А

П О В Е С Т Ъ

Советский Писатель

1947

I

В городе Африкан Жихарев сел на попутную машину и часа через два езды по укатанной снежной дороге был в селе. До дома оставалось километров семь. Торопливо пройдя улицы села, лежавшего в ложбине, он с волнением взобрался на пригорок Горбатого поля.

Справа, широкой полосой уходя к горизонту, голубела равнина озера, сизая черта дальних лесов на берегу резко отделяла снега от ясного предвечернего неба. Посредине озера, точно, оторвавшись от земли, плыл в воздухе Каменный остров с монастырскими церквами. Слева темными пятнами

среди снегов залегли частые деревни, за ними тяжелая гряда лесов, розовеющая в закатных лучах зимнего солнца. За Евлашевым он увидел свою деревню. Изба брата выделялась железной блистающей крышей. За этой избой и его изба, где ждут его вот уже четыре года.

Жихарев остановился, жадно всматриваясь в раскинувшиеся перед его глазами родные пространства.

— Добро! — вслух, хриповато сказал он. — Ну, вот и дома!.. Дома! — повторил он.

Переборов волнение, охватившее его в эту минуту, он вдохнул в себя свежий холод, встряхнул вещевой мешок за спиной и двинулся дальше.

Шел и ненасытно смотрел вокруг. Линии холмов, лесов, озера, мосты на дороге, повороты, подъемы, спуски не изменились, были те же, какими оставил. Он точно хотел скорее вновь вобрать в себя все виденное.

Пристально всматривался в родные места, а картины пережитого всплывали в памяти.

Южное ослепительно яркое небо блеснуло перед его глазами. Поля орловщины, украинские степи, виноградники Молдавии, морской берег в Болгарии, горы Югославии, темные высокие дома Будапешта, дорога по кручам Трансильванских Альп, осенний ветер и пыль на берегу мутного Дуная... Все это пронеслось перед ним, громоздясь, заслоняя друг друга.

И вспомнил еще: они были на марше, остановились в большом селе. Он спрыгнул с лафета, побежал к хате напиться. У плетня

стояла женщина. Маленькая девочка, играя, зарывалась в складки широкого материнского платья. Женщина была среднего роста, его лет... Он не помнил ее лица, ее волос. Тогда увидел только большие глаза, устремленные на него. От волнения не мог говорить. Наконец еле выдавил из себя пересохшими губами: „Пить!“ Женщина вытянула девочку из-под передника, крикнула: „Текай в хату, принеси испить!“

Девочка побежала к хате. Они стояли и смотрели друг другу в глаза. „Замужняя?“ — ревниво, глухо спросил он. „Чоловика убили“, — ответила она. Он заметил, как волнениехватило и ее. От колонны крикнули: „По местам!“ Он бросился бежать к своей пушке... Где это было? В Зеленом Гае или в Верхнем Рогачеке, мало ли сел и деревень прошли они? И в какой это области было? В Днепропетровской или Запорожской?..

Легкая поземка наметала поперек дороги маленькие сугробики, след надолго нарушал их гладкую овальную форму, сотканную из мелкой снежной пыли.

Дорога повернула вправо. Пройдя Горбатос поле, Африкан спустился в котловину к Песошному. Под скатом — мелкая речка, от множества впадающих в нее ключей не замерзающая в самые лютые морозы. На мосту взглянул на клокотавшую по камням темную воду и вспомнил, как с братом Иваном они выкупались в этом месте зимой. Ехали в город, мост ремонтировался, спустились по объезду к речке, и лошадь ни за что не хотела

идти в студеную воду. Они столкнули ее в реку, лошадь споткнулась о камень, упала, пришлось в валенках и полушубках прыгать в воду.

За Песошным — маленькой деревушкой в один ряд вдоль дороги — Африкан увидел впереди себя фигуру в солдатской шинели с мешком за плечами. Он бегом бросился догонять. Каждый человек в солдатской шинели ему казался близким, родным. Издали еще он старался определить, кто бы это мог быть; он знал всех соседей километров на полсотни кругом. Когда расстояние между ними стало настолько близким, что в сумерках ясно обозначились все движения солдата, он заметил, как правая нога впереди идущего человека неравномерно подвертывалась носком внутрь. По этой характерной косолапости, наклону головы вперед, коренастой фигуре на коротких ногах он безошибочно признал Никифора Огурцова, его однодеревенца, ровесника, друга.

— Эй, солдат!.. Никифор! — крикнул он во всю глотку. — Остановись!

Солдат повернулся. Африкан сразу признал мало изменившиеся за четыре года черты лица Никифора — тот же широкий нос, чуть вздернутый кверху, белесые брови, выдающиеся скулы, задумчивые глаза, в которых всегда сквозила неизменная забота.

— Жив?! — тряс Африкан в своих объятьях приятеля. — Вот молодец! Ну, рассказывай, рассказывай! Где побывал? Кем служил? Как мы с тобой в городе не встретились?..

— Наш поезд, видно, раньше пришел... Я

с Белорусского фронта приехал, — спокойно ответил Никифор Африкану.

— Я с Украинского... Ну, говори, говори скорей!.. Ведь мы с тобой расстались в запасном в июле сорок первого... Мест исколесили сколько?.. И опять дома!

Они шли рядом. Высокий Африкан, повернув голову к другу, заглядывал в его лицо.

— Чего рассказывать? — наконец произнес Никифор тихим голосом, — рядовым был. Куда пошлют, там и служил. Не своя воля... Кучером отвоевал... У командира полка. Пара коней, коляска, зимой сани... Служил, как положено.

— Ну что ты! — воскликнул с восторгом Африкан. — Знаю тебя — первый старатель в колхозе был. На фронте всякие должности нужны были. Страсти-то насмотрелся?

— Страсти хватало, — вздохнул Никифор. — Четыре командира сменилось, три пары коней погибли. А я все один... От Сталинграда до Берлина на облучке проехал.

— Молодец, молодец! — восторгался Африкан. — И не ранило?

— Нет.

— Ну, слава богу... И Берлина насмотрелся? Мне не привелось.

— Как ты-то послужил? — спросил Никифор. — По погонам вижу — старший сержант, — разглядел он широкую полосу на погонах Африкана. — Начальником был, может и не маленьким?.. Старшие сержанты у нас в стрелковом полку иногда в бою ротами командовали.

— В артиллерии был, командиром орудия, — охотно ответил Африкан. — В июле под Москву попал, там в декабре под Наро-Фоминском ранило в ногу, да девять месяцев в госпитале и отлежал. Ну, а потом в августе направили в учебный дивизион запасного артиллерийского полка. Окончил. Оставили в штате обучать курсантов. До июля сорок третьего там и пробыл. Под Орел попал, да до Будапешта с пушечкой и прокатился... Вот и вся история.

— Вся-то вся, да может и не вся, — заметил Никифор, внимательно слушавший Африкана. — Много воды утекло с тех пор.

— Что верно, то верно. Одним словом не скажешь, — согласился Африкан. — Наговоримся, хватит еще времени... Шагай побыстрей! Дома все истории вспомняем.

Полный месяц, взошедший из-за болотистых берегов озера, блестел на склонах полей, примыкавших к дороге. Маленькая быстрая тень бежала по полю наперерез.

— Смотри-ка! Зайчишка! Карабинчик бы сейчас! — заметил Африкан.

Заяц выбежал на дорогу, остановился, сел на задние лапы, повертел большими ушами, помчался к болоту.

— Не робкий какой! — сказал Африкан, провожая глазами зайца.

— Примета нехорошая, — покачал головой Никифор.

— Что ты! Всю Европу исколесил, а зайцев боишься. Заяц по своему делу бежит, в болоте кустики поглотать.

— Приметы не я выдумал, — народ.

— Старухи — тоже народ! Иди за мной! Пусть на меня беда ляжет, — выдвинулся вперед Африкан.

Он перешел заячий след, указывая на него, сказал :

— Ну, переходи Рубикон!

— Какой еще Рубикон? — спросил Никифор, перешагивая след зайца.

— Это один сержант у нас говорил. Как реку форсируем, так и скажет: Рубикон перейден, назад оглядываться нечего... Давно это было. Один римский царь перешел с армией реку Рубикон, да и сказал так. С тех пор и пошло... Да ты шагай побыстрее! С тобой зябнуть стал. Строевой выправочки, вижу, не нашил? — пристально, как служака-сержант на солдата своего отделения, взглянул Африкан на друга.

— Понадобится тебе строевая в колхозе! — ответил равнодушно Никифор. — Вот заболел я, парень, — сказал он со вздохом. — Еле дышу... озноб. На грузовике, должно, прохватило, как ехал из города.

— Озноб! — засмеялся Африкан. — По-пластунски метров двести проползи — рукой снимет. Живо вспотеешь.

— Спасибо, — отказался Никифор. — Слава богу, надо мной начальства теперь нет, чтоб по-пластунски заставлять ползать. Отползал, хватит.

Они входили в Евлашево, большую деревню, в два ряда домов вдоль дороги.

— Зайдем в избу, согреешься.

— Может, дойдем... Три километра осталось,—ответил Никифор, поживаясь.

— Нет, нет! — запротестовал Африкан. — Обязательно согрейся... Что ты?! Молчал долго. В Песошном бы еще надо было зайти.

— Думал, согреюсь. К кому пойдем?

— В Евлашеве? — удивился Африкан. — К Алеше Потанину, друг-приятель. Эх, ты, нестроевая команда, замерз на марше.

II

Они остановились около старого покривившегося дома. Окна были не освещены, в них недоставало нескольких стекол, их заменяли грязные ветошки, выпиравшие горбом наружу. Соломенная крыша сползла, готовая обрушиться вместе с навалами снега.

Отряхнув на низеньком крылечке снег с сапог, Африкан дернул веревочку от щеколды. Разыскал в сенях скобу, раскрыл дверь в избу. В избе было темно.

— Алеша! Дома? — окликнул Африкан.

— Здесь, — раздался сверху старческий голос. — На печке лежу.

— Вставай скорей! Зажигай свет! На пять минут зашли. Домой торопимся, да, вон, Никифор замерз.

— Афришка, ты, что ли? — спросил, не удивившись, старик, которого все звали Алешей.

— Я! Давай, скорей, скорей... Слезай!

— Сети у меня тут не оборвите... Да печку железную не сроните, — предупредил Алеша.

— Ладно, стоим, не шевелимся.

Алеша легко спустился с печки по приступкам, чиркнул спичкой, зажег висячую лампу, осветив большую избу с двумя лавками и столом в углу. Около стола на лавке лежали сети, валялись деревянные иглы с пузатой навивкой ниток. Между столом и дверью, ближе к стене,—железная печка, перед ней охапка лучины и дров, трубы по потолку опоясали всю избу.

Алеша — высокий сухой старик лет семидесяти, в линялой ситцевой рубахе под легким овчинным полушубком, щурясь от света, смотрел на пришедших.

— Здравствуй, Алеша! — Африкан прошел к столу, сбросил с плеч вещевой мешок, отодвинул в сторону сеть, сел на лавку.

Алеша смотрел на него. Свет падал на бритое, грубое, красное лицо с длинным носом, с добродушным и вместе с тем чуть презрительным выражением прищуренных лучистых глаз, на плотно сжатые губы Африкана.

— Что уставился, старый хрен? — сказал Африкан. — На мне узоров нету.

— Ох, и постарел ты, Афришка!

— А я думаю, мне все еще восемнадцать, — сказал Африкан, расстегивая крючок воротника шинели.

— Сколько же тебе?

— Тридцать восемь.

— Время-то... Давно ли по посиделкам тебя возил? А вот уж лет двадцать, поди, и прошло. — Алеша зевнул, разгладил жидкую

седую бородку, полез в карман за кисетом. —
Время, время — того гляди умирать пора.

— А ты не болтай попустому, — остановил его Африкан. — Потом покуришь. Топи печку! Вишь, Никифор замерз. Тащи чашки, капуста либо огурцов. Первый раз что ли?.. Скорей, скорей, пошевеливайся!

— Вот еще командир! Покрикивает! Привык, что ли? — с насмешкой спросил Алеша.

— Отвыкать надо, — заметил Никифор, севший к другому углу стола. — Все командиры, кто работать в колхозе будет?

— Ну вас к чорту! Сам себе буду командовать. Топи, Алеша, а то убегу, домой तो роплюсь, — сказал Африкан с досадой.

Алеша наклонился к печке. Сухая лучина вспыхнула, дрова занялись. По трубам понесся легкий треск, в избе стало тепло. Алеша был легкий старик, он живо бегал по избе на своих длинных сухих ножках в больших валенках. На столе появились чашки, миска кислой капусты.

— Ну вот и все приготовления. Много ли нам надо. Садись! — сказал Африкан.

Алеша придвинул табурет, сел.

— Поездили мы, брат, с тобой, — сказал ему ласково Африкан. — Ни одной веселой не пропускали: не было удержу, далеко ли, метель ли?.. Запрягай, Алеша, поехали!

— Любил молодых ребят по посиделкам возить... Сам не старел...

— Как жил-то?

— Хорошо, — беззаботно ответил Алеша. — У нас ведь здесь фронтовая дорога была.

Прознали — изба не запирается, повалил народ. Каждый день полно. Утром проснешься, с печки смотришь, — человек двадцать на полу спит. Шоферишки — как к себе домой. Машину — в проулок, сами — ко мне. Дров привезут, керосину... Хлеб, соль, табак — все было. Напоят, накормят... На гармони играл, песни пел. Веселил народ, и самому весело было.

— Веселил народ... Это большое дело.

Африкан достал из вещевого мешка бутылку с водкой, разлил по чашкам. Никифор нарезал хлеб.

— Пей! — сказал Африкан Алеше. — Да сыграй нам нашу веселую...

Алеша выпил, проворно поднялся с табурета, достал с полки над лавкой старую, с цветными заплатами на мехах, двухрядную гармони. Сухие, цепкие пальцы забегали по клавишам ловко и быстро, лицо Алеша озарилось. Пальцы пробегали по клавишам старой гармони залихватскими переборами, вихрем проносились отчаянные веселые голоса. Алеша вскидывал вверх свою голову с седыми взлохмаченными волосами, опускал ее к гармони, прислушиваясь к звукам, и лицо его каждое мгновение менялось.

Звуки разбудили в Африкане воспоминания о давно прошедшем. Вот он белоголовым мальчишкой ловит решетом пескарей на речке. Боронит, отец шагает с лукошком, рассеивает зерно. Косит ранним утром в Подболотье. Вот парнем идет по деревне в праздник, на нем яркая рубаха, широкий пояс с длинными кистями, сапоги блестят, сукон-

ный пиджак... Идут гурьбой девки, поют песни... И среди них его Надежда... Увидев его, она оставляет подруг, бежит к нему...

Африкан положил свою тяжелую ладонь на гармонь. Алеша перестал играть.

— А ведь Наденька-то у меня умерла, Алеша,—тяжело сказал Африкан.

— Знаю, Африша,—тихо ответил старик.— Я все знаю.

— Ну, всего никто не знает, — с трудом вздохнул Африкан.

— Мне жена тоже отписывала, — вставил Никифор.—Слышал про твое горе.

— Больше году тому назад... Мы за Днепром стояли. Дочка написала. На фронте как-то меньше чувствовал ее смерть. А теперь вот подхожу домой, думаю, как же так?... Уходил — была, а приду — нет... Одни ребятишки маются.— Он замолчал, теребя корку хлеба большими красными пальцами.

— Не вернешь... чего уж... Женишься, Африкан,—произнес Никифор, нарушая молчание.—Сам понимаешь, такое время. У кого брат, у кого зять, отец, сын. Жениться надо... чего уж.

— Придется, — хрипло выговорил Африкан.— Так не проживешь — трое ребятишек, сам не старей.

Он потер ладонью лоб, сглаживая морщины.

— Ведь теперь что? — хмуро сказал он.— Иди к какой-нибудь вдове. У меня, мол, нет жены, а у тебя — мужа, давай жить вместе... Разве найдешь такую, как Надежда... На Украине встретил я одну женщину... Не

помню в Зеленом Гае или Рогачеке? Вот за ней бы поехал. Да разве такая залежится, давно, поди, замужем... А уж какая это жизнь без любви?..

— Любовь? — усмехнулся Никифор. — Не те годы, не та кровь. За тридевять земель за бабой ехать... Подберешь здесь хорошую женщину.

— Не та кровь?! Не скажи, — перебил его Африкан. — У меня Надька взглянет только — горы сворочу... Работалось легко. Как настеганный весь день бегаешь. И все то нравится, веселит... Любовь?! Любовь — половина жизни. Без любви ежели сойдуся, как вареный по земле ходить буду... Свет не мил.

— Полно, Африкан... Успокойшься, время свое сделает... Привыкнешь и к другой женщине... Особенно, если с твоими ребятами будет хорошо обходиться... Тихо, скромненько заживете... Мы уж не молодые, нам не до любви, — заметил Никифор.

— Нет, нет! Любовь это до конца жизни, — продолжал Африкан. — На фронте много об этом говорили. Соскучатся ребята о женах, начнут о любви говорить... У нас в артиллерии народ ученый все был... Один командир орудия нашей батареи был, у меня — первое, у него — второе, рядом всегда стояли. Два года с ним вместе воевали да в учебном около года жили. Мужик был толковый, — из учителей. Он мне голову на место поставил... Вот какой мужик был! Так он сказал, о любви больше всего книг написано. Есть, — говорит, — книги в тыщу страниц, — и все о любви...

А ты, говоришь, любви нет, только привычка. Зря бы не писали, да и читать никто бы не стал, если бы любви не было.

— И песенки-то все о любви, — добавил Алеша.

— Дедко и то понимает, что такое любовь, а ты споришь, — сказал Африкан Никифору.

— Смешно сказать, — ухмыльнулся Алеша, покуривая цыгарку.—Из-за любви у меня жизнь не удалась, бобылем прожил...

Он рассказал, что в молодости любил Лушу из Погорелова. Но двор его был беден, родители не отдали. Она покорилась, вышла замуж. Алеша полюбить другую не мог, остался холостым. И жила Луша хорошо, муж работа, восьмеро детей было. Алеша не разлюбил и радовался Лушиной жизни. Но дома ни на что смотреть не хотелось, руки от всего отвалились. Нынче муж ее умер.

— Идет недавно Лукерья Степановна мимо меня, — продолжал старик, — старая, престарая... Я дрова у крыльца рубил. Остановилась. Она и в девках занятная была... „Что, — говорит, — Алеша, сватов не шлешь, я теперь вдовая, свободная...“ Посмеялись оба.

— Сплоховал, — Алеша, — серьезно сказал Африкан. — В любви зевать нельзя, как раз на бобах останешься.

— Спыхватился, да поздно, — с грустью ответил Алеша.

— Будет вам, ребята, — с усмешкой проговорил Никифор. — Слушаю — смех берет. В восемнадцать лет хороши эти разговоры.

Африкан задумчиво смотрел на догорающие в печке поленья. Он безмолвно указал на потухающий огонь Никифору, сидевшему ближе к печке, тот подложил дров. Алеша захмелел, его клонило ко сну. Но вдруг его лицо осветилось тихой улыбкой.

— „Ах, да одна, ах да одна во поле дороженька пролегала,“ — вздохнул он, и гармонь тоже вздохнула грустным аккордом.

— „Частым ельничком, частым ельничком, белым березником она заростала, молодым, горьким осинничком ее заломало...“

Пел Алеша слабым старческим голосом, шепелявил. Но его тонкий слух улавливал в каждом слове песни такую интонацию, которая только одна и передавала вложенное в это слово чувство.

— „Нельзя, нельзя-то мне к любушке-голубушке в гости ехать...“

И от горькой потери любимой сжалось сердце Африкана — не увидит он больше своей жены. И Никифор вспомнил, как не раз на военных дорогах тосковал по своей спокойной, работающей Анне, не раз думал — заросли дорожки до дома, возврата нет с полей битвы...

Алеша кончил петь.

— Большая сила в песне... — глухо проговорил Африкан после долгого молчания. — Капитан у нас был, командир дивизиона. Вот цел! Вроде тебя, Алеша. Не сильно, но выразительно. Мурашки по спине ходили. Любил он песню:

Может быть, на этом полустанке
Разгорится небывалый бой.
Потеряю я свою кубанку
Со своею буйной головой,—

пропел Африкан хриплым голосом.

— Не умею петь, — продолжал он. — Никак не выходит. Плясать умею, а петь — никак. Так вот, как выведет: „Разгорится небывалый бой“... Потом тихо, шопотом, одними губами: „Потеряю я свою кубанку“... Слушать невозможно... Люди из ровиков выйдут, потихоньку стоят кругом него, слушают... А он на пенечке сидит, покачивается, поет. Ни на кого не взглянет... Стоишь около него, не шелохнешься. Поет он. И вдруг перед твоими глазами озеро наше выплывает... У меня всегда, как музыка играет или песни поют, своя жизнь мерещится перед глазами либо свои места... Большая дорога. Поля, кустики всякие... Солнце вздымается... Трава, покос... Мужики, бабы... И все это стоит перед тобой, пока он поет... Перестал — смотришь — лес незнакомый, из окопов пушки торчат в небо... Нарыто, нагажено... Люди небритые, злые, три ночи не спали... Ах ты, думаешь, вражина окаянный, довел до чего! По доту... гранатой... Огонь!.. Огонь!.. Вот она, песня.

Африкан неожиданно схватился за вещевой мешок на лавке. Вскочил с места.

— Нагрелся, Никифор?.. Побежали! Два часа отсидели... Пора домой!

— Может, еще по чашечке?.. У меня ведь тоже есть, — сказал Никифор.

— Нет, не хочу... Налей, вон; Алеше. Пусть перед чашечкой посидит, поиграет...

— Вот уж ты меня старого понимаешь, Африша, — сказал Алеша, принимая от Никифора чашку с водкой и ставя ее осторожно на середину стола.

— Прощай, Алеша! — крикнул уже в дверях Африкан.

Они вышли на улицу. Из избы неслось залихватское веселое пение, гармонь вторила:

Из-под горочки виднеется —
Девчоночка идет,
Она полное ведерочко
На чай воды несет.

— Во заливается! Птица-человек; — прислушиваясь, заметил Африкан и постоял около избы. — До утра петь будет... Да подойдет еще кто-нибудь... В этой избе не унывают.

— Песнями не проживешь, — вставил Никифор. — Земля нас носит, да каждый день хлеба просит.

— А ты поменьше думай о хлебе... Хлеб не любит этого.

— Мудрено что-то, — пробормотал Никифор. — Как это так?..

Но Африкан не ответил. Они вышли на дорогу.

IV

— Можно?! — весело крикнул Африкан, распахивая двери своей избы.

Белые клубы пара, подхваченные морозным

воздухом, взвились кверху, опустились, понесли по полу от двери в избу.

— Можно, — ответил детский тонкий голосок из-за переборки.

Старая отцовская изба-пятистенок была разделена на две половины — жилую и чистую. В жилой досчатая переборка отделяла кухню.

Африкан прошел маленькую кухню, остановился в дверях переборки.

Лампа горела над столом, слабо освещая избу. Худенькая девочка со строгим лицом, повязанная большим теплым платком, покрывавшим плечи, в ситцевом платице, валенках, но с голыми коленками качала люльку, висевшую на конце длинного сухого оцепа.

Она с неудовольствием взглянула на вошедшего и продолжала свое дело. Ребенок возился в люльке, слышался его писк. Приоткрыв полог, девочка насупила брови, наклонила голову, погрозила пальцем.

— Ух, ты! Наелся, спи... Надеру уши — будешь знать...

Закрывает полог и, качая люльку, запела сердитым голосом:

Ходит дрема
Возле дома,
Ходит сон
Близ окон.
И глядят —
Все ли спят?..
О-о-о-о-о...

Потом она начала качать все медленнее и медленнее. Убедившись, что ребенок заснул,

она осторожно вынула ногу из петли люльки, устремила вопросительные глаза на пришедшего.

Африкан все время тихо наблюдал за девочкой.

— Вы к нам на постой, дяденька?—спросила она.

— На постой, доченька,—ответил Африкан.

Осторожно ступая, он прошел в избу, снял вещевой мешок из-за спины, положил в угол.

— Ровно бы не наша очередь?— с сомнением сказала девочка. — Вот придет Люба, она скажет, можно ли к нам. Без нее, дяденька, я боюсь вас оставлять.

— Не бойся, не бойся,—успокоил ее Африкан.

— Вас-то я не боюсь. . . А Люба заругает, она у нас строгая.

— Не заругает.

— Подруги приходили играть, я и забыла запереть дом, — сокрушенно объяснила она. — То бы я вас не пустила.

Она вздохнула, покачала головой, видимо, боясь объяснений с Любой.

— Неужели это Валька? . . . Чей же ребенок? — думал Африкан. — Любки, что ли? . . .

Он повесил на вешалку у дверей шинель, шапку — на катушку, прибитую под самым потолком. Взял косарь с шестка печи, отскреб над лоханью лед с каблуков. Сунул руку на полати, где обычно лежала щетка, достал ее, почистил сапоги. Налил в рукомойник воды из ушата, стал мыться. Умывшись, снял полотенце, висевшее перед печкой, прошел к

старому с зеленоватыми пятнами зеркалу, висевшему в простенке между окнами, начал вытираться, всматриваясь в свое встревоженное лицо.

— Гм... обстановка... — бормотал он.

Девочка с недовольным видом следила за ним. По ее мнению, он слишком свободно расхаживал по избе, брал, не спрашивая, вещи — прежние постояльцы не делали этого.

Она выбежала из избы, слышно было, как звякнул крюк в сенях. Затем возвратилась, села к люльке, наблюдая за высоким солдатом, сидевшим на лавке у стола.

Африкан молча курил папиросу, не докурив, ткнул ее в порожек оконной рамы. Потом повернулся к девочке, блеснув орденами и медалями, покрывавшими всю грудь.

— Чей это в люльке ребенок, доченька? — стараясь говорить ласково, спросил он, но слова прозвучали глухо и хрипло.

— Наш, — ответила девочка и взглянула на него настороженно, испугавшись его неприятного голоса.

— Чей это — наш? — переспросил он.

— Жихарев.

Но это его не удовлетворило. Он стал спрашивать настойчивее и узнал, что перед ним его дочь Валя, которую он оставил четырехлетним загорелым крепким ребенком, никак не похожим на эту худенькую, с узкими плечиками девочку. В люльке Ванюшка, ему второй год, его родила мама. Еще есть у них Люба и Панко. Девочка отвечала сдержанно, не нравились расспросы, прежние по-

стояльцы не были так любопытны. На крыльце постучали. Она оживилась, вихрем бросилась из избы.

Африкан услышал ее встревоженный, взволнованный голос.

— Люба, пришел солдат, умылся, утерся нашим полотенцем, все спрашивает.

Сердитым голосом Люба ответила:

— Сидишь одна, не запертая... Сколько раз говорить?..

„Так каково будет твое решение, товарищ гвардии старший сержант?—мысленно задал себе вопрос Африкан. — Девчонками вопрос уже разрешен...“

Ему хотелось заглянуть в люльку, посмотреть на этого Ванюшку, явившегося на свет без всякого желания с его стороны. Но он не успел, дверь в избу распахнулась. Клубы пара наполнили кухню. Он услышал решительное бречание ведрами, стук дров под палатами, еще раз сердитый окрик:

— Чего стоишь у дверей?.. Простудиться охота?..

Валька юркнула на свое место за люлькой.

V

Отгремев посудой в кухне, девушка показала в дверях переборки.

На мгновение Африкан опешил: перед ним стояла его жена Надежда, какую запомнил, когда гулял с нею еще парнем, среднего роста, плотная, румяная от мороза, с широким лицом. Такой же, как у Надежды, малень-

кий рот с сочными губами, выпуклый и высокий лоб, большие темные глаза. На ней светлая кофточка, короткая юбка, сапоги.

Девушка пристально взглянула на него, чуть откинувшись назад.

— Папка, это ты! — крикнула она густым грудным голосом.

Африкан сорвался в места, схватив ее сильную горячую маленькую руку.

— Я, Любашка, я, — проговорил он, задыхаясь от волнения.

Даже когда она шагнула к нему, чуть подавшись вперед, и в этом движении она так была схожа с его женой.

Люба прижалась к нему, и он чувствовал теплоту ее тела.

— Дай, я тебя поцелую, — воскликнула она, схватив отца за шею.

— Дрянная моя девчонка... Почему ты мне не писала?.. — шопотом говорил он ей в кухне, чтобы не услышала младшая дочь.

— Боялась, зачем тревожить, — также шопотом ответила она.

— Как же получилось?.. — спросил он. С досадой остановил себя. — Эх, ведь ты еще ничего не понимаешь...

— Не спрашивай! Потом скажу... Я все знаю... Не хочу говорить.

— Ладно... все понятно...

— Бабы и то говорили, выкупайте его в холодной воде, он и умрет...

— А!.. — с отвращением сказал он. — Убить проще всего... Все понятно, все... Ты ум-

ница, молодец. . . Больше ничего не спрошу. . . Ставь самовар! — он отнял руки от ее плеч, почувствовав, что еще мгновение — и Люба расплачется.

Африкан вернулся в избу. Протягивая руки к младшей дочери, ласково сказал:

— Иди ко мне, доченька!

Валька подошла к нему смущенно и робко. Он посадил ее к себе на колени.

— Ты не узнала меня?

— Нет, — сказала, она, покачивая головкой. — Папа был с бородой.

— Напугал я тебя давеча?

— Нет, — ответила она и, прижавшись к нему, вдруг тихо заплакала.

— О чем ты?

— Маму жалко, — всхлипывала она.

Африкан гладил ее худые плечики, чувствуя, как едкие капли увлажнили его глаза. Он сильнее прижал дочку. Отвлекая ее от тяжелых воспоминаний, спросил о сыне.

— Панко гуляет, — ответила Валя. — На сиделках сидит. С мальчишками в козла играет.

— Любит погулять?

— Как уроки сделает, его не удержишь! — со скрытой боязнью перед удалью брата и в то же время с восхищением сказала она.

— Ну, а Ванюшка ходит гулять?

— Каждый день. . . На санках катаю. . .

— Покажи-ка мне его!

Валька соскользнула с колен, подошла к люльке, открыла полог. Африкан подошел, наклонился над спящим ребенком. Больше-

головый крепыш, завернутый заботливо в одеяло, спал на белой мягкой подушке, выбросив левую руку из-под одеяла на край люльки. Валька осторожно заправила руку под одеяло.

— Он хороший... Никогда и не плачет...

— У такой умницы разве заплачет? Ты его любишь?

— Люблю... Он уже говорит! — оживилась она. — Меня зовет Аля, Любу — Юба, а Панко — Пака...

— Пускай спит! — закрыл полог Африкан и снова сел на лавку, усадив дочь на колени.

— А меня как Ванюшка будет звать? — спросил Африкан, всматриваясь в лицо дочери.

— Папа, — просто ответила она. — Я его научу, он понятливый.

„Она еще не понимает всех этих премудростей, — подумал он. — Нянится с братом и все...“

В сенях застучали. Люба вышла открывать. С шумом ввалился Панко.

— Потихе ты! — остановила его Люба.

— Чего?.. — Но он уже сам увидел отца, мигом сбросил пальто, шапку, обмел снег с валенок и, ловко подтерев на ходу левой ладонью под носом, вразвалку шагая, протянул отцу правую руку, мокрую и холодную.

— Здравствуй, папа!

Африкан не смог не расхохотаться, увидев сына. Панко был весь в отца, длинноносый, с упрямым подбородком, озорной в движениях.

Не спуская глаз с груди отца, сияющий, Панко спросил:

— Папа, это за что?

— Отчитаюсь потом,— все расскажу, сынок, — ответил Африкан.

— Отечественная... Красная Звезда, — перечислял Панко, разглядывая ордена и медали отца. — За отвагу—две, за победу... А за какие это города, папа?

— А!.. За оборону Москвы... за взятие Будапешта... за освобождение Белграда...

— Был в Белграде?... А маршала Тито видел?

— Нет, маршала Тито не видел... с войсками его освобождали Белград. Крепко воюют братушки, — ответил Африкан.

— Расскажи, папа, расскажи о югославских партизанах!.. — восхищенно просил он.

Но Люба остановила любознательность Панко.

— Чего расселся! Собирай на стол! — крикнула она из кухни, где приготавливала ужин.

Панко послушно вылез из-за стола, начал греметь посудой, таская ее из шкафа, загромождавшего вход в чистую половину избы.

За ужином Африкан узнал — Панко учится в пятом классе сельской средней школы, Люба окончила семь классов два года назад, хотела учиться в техникуме, но не привелось, пришлось кормить семью, Вале — девятый год, ей надо учиться в школе, но некому нянчить Ванюшку.

На столе среди всяких закусок, изготовленных Любой, торжественно стояла бутылка водки.

— Богато ты живешь оказывается, — пошутил Африкан.

На подбородке Любы появилась знакомая

Африкану ямочка, а блеснувшие мелкие крепкие зубы, все ее движения еще раз подчеркнули сходство с матерью.

— Тебя ждала со дня на день и припасла.

— Давай уж и себе рюмочку, — сказал Африкан дочери, — маленькая моя мамка!

Они чокнулись. Люба выпила не поморщившись.

„Какие крепкие девчата пошли“, — с удивлением подумал он.

— Так за новые дела, расчет ты мой боевой, — сказал он, поднимая стакан с водкой, оглядывая своих маленьких помощников.

— Что такое расчет? — с любопытством спросил Панко.

— Солдаты, которые обслуживают орудие, — пояснил Африкан. — Вот мы с вами на линию огня. . . в жизнь и выедем, как расчет на передовую. . . Ванюшку вон еще прихватим, — указал он на люльку.

— Папа! — встрепенулся Панко, глаза его расширились, — ребята говорят, что Ванюшка. . .

Но Панко вдруг увидел такое страшное в прищуренных глазах отца, что невольно выбрал голову в плечи. Только всем напряжением сил Африкан удержался, чтобы не схватить ложку, лежавшую у него под рукой, и не ударить по лбу Панко, как это делал всегда его отец за неуместный вопрос. Африкан сжал губы, сурово смотря на сына, спросил:

— Силенка есть?

— Есть, — несмело ответил притихший Панко — Я никому не уступаю. . .

— Так вот, тому из твоих дружков, кто

скажет про Ванюшку чего-нибудь нехорошее, — раздельно, отчетливо проговорил Африкан, — дай такого пинка, чтобы ему никогда больше не захотелось болтать попустому. . . Ванюшка твой брат. . . Ты старший — должен маленького защищать. . . Понял? . .

Валя ушла спать на печку. Панко принес со двора постель, улегся в углу, укрывшись одеялом из овчин. Как только малыши улеглись, Люба рассказала отцу что знала. В зиму сорок второго года у них в доме жил сержант, регулировщик. Его потом убили на Ленинградском фронте, об этом писал его товарищ. . . Роды были тяжелые, мать долго болела. Весной сорок четвертого года она простудилась, занемогла. Как началось наступление, все твердила: „Скоро придет Африкан, что я буду делать? . .“ Умерла, страшно мучаясь. . . Наказывала не писать о Ванюшке, не тревожить отца. . .

„Глупая Надька, глупая Надька, — твердил Африкан про себя, укладываясь спать у печки. — Не придумаешь, что война с собой принесет“, — горько подумал он и, не отрываясь, до рассвета глядел в мутное окно.

VI

„С чего начать?“ — утром сам себе задал вопрос Африкан.

Панко до света ушел в школу. Люба уже ходила на дойку в скотный двор, топила печь. Валя на кровати играла с Ванюшкой.

Изба днем казалась мрачнее, чем вчера, при

неясном свете лампы. Яркое солнце едва пробивалось сквозь заледеневшие стекла окон. Старые почернелые обои отсырели, набухли по стенам пузырями. Потолок закоптел. За ночь из избы выдуло тепло. Валька, закутанная в платок, дрожала от холода, Ванюшка в ватной фуфайке сидел на кровати среди подушек с посиневшим лицом. Беспреданно двигая чугуны и горшки, одна Люба около печки раскраснелась от жары.

Африкан посмотрел под лавками, обои отстали, тянуло сыростью, холодом, плесенью. Оконные рамы сгнили, простенки на стук отзывались глухо.

Он надел шинель, вышел на крыльцо. Яркое блестящее солнце слепило глаза. Африкан мельком взглянул на знакомую с детства картину.

Маленькая деревушка в двадцать домов вытянулась по улице в один ряд. Большая дорога, проходившая мимо его дома снизу, от болотистых низких берегов озера, сворачивала через два проулка направо, шла дальше по высоким холмистым полям. Через дорогу, по склону — огороды, внизу небольшая речка, впадающая в озеро, на задворках деревни — также огороды.

Он сошел по лестнице в проулок. От пристройки осталась половина сруба, остальное ушло на дрова, свежеспиленная поленница стояла внутри.

Крыша на доме местами сгнила. Разбитые дождем, обледенелые гнилушки сверкали на солнце. Труба развалилась, дым шел между кирпичами, окутывая трубу облаком.

Надо было много поработать, чтобы превратить избу в сносное человеческое жилье. Африкан несколько раз обошел дом, внимательно его осмотрев.

Со двора его окликнула Люба.

— Посмотри на бесстыжую, — сказала она, указывая на годовалую белоголовую рыжую телушку.

Лиловые влажные глаза телушки уставились на вошедшего Африкана.

— Корову я продала, не было сена, — рассказывала Люба. — Оставила ее. . . А она. . . Привела к быку, ухом не ведет. На мясо продать, да и только. Неужели еще год держать? . . . Бесстыжая! — негодовала Люба, подставляя телушке ведро с пойлом.

Телушка вдруг шарахнулась в сторону, пробежалась по двору, лягнула в воздухе раза три задними ногами, подняла хвост и во весь дух пустилась к ведру.

— Жеребец, а не телушка. . . Сколько я на нее, подлую, корму стравила, — негодовала Люба.

— Сделаем что-нибудь с твоей телушкой, — сказал Африкан. — Бывает это. . . Окормила ты ее.

Люба повела отца в хлев, показала белую козу.

— Только она и кормит ребят, — выливая пойло в колоду, сказала Люба.

— Что ж, ладно, хозяйство твое хорошее, — похвалил Африкан. — Пойду к Божатко. . . Переберемся к кому-нибудь на квартиру. Ремонтировать избу буду. Так нельзя жить.

Старший брат Иван жил через три дома. Вся деревня Ивана звала Божатом, отцом крестным, он многих воспринимал при крещении. Даже жена Дарья звала его Божатком. Сверкающую на солнце железную крышу его дома вчера увидел Африкан, выйдя из села на Горбатое поле. Дом брата из крепких бревен, на каменном фундаменте, за год до войны Иван покрыл его железом.

Божатко сидел у стола, чинил хомут. Он работал в колхозе конюхом, конюшня помещалась напротив дома. Дарья у окошка пряла. Послюнявив пальцы, она ловко тянула нитку из мягкого клона кудели, непрерывно крутя тонкое, длинное веретено.

Завидев в дверях Африкана, Божатко отбросил хомут, дратву, щетину.

— Защитнику, защитнику нашему почтение!

Они поцеловались. Огромная лысина увеличивала высокий темный лоб брата. Лицо заросло густой черной, с проседью, бородой. Из-под нависших бровей сверкали умные глаза. Он был выше Африкана, сухой, жилистый, крепкий старый солдат, хранивший в сундучке два георгиевских креста.

— Где побывал? — спросил Божатко.

Африкан рассказал. Божатко достал со шкафа карту, разложил на столе.

— Ты южнее меня был, — произнес он, рассматривая карту. — В ту войну я Белоруссию, Польшу исколесил. . . Потом на Карпаты бросили. . . Так. . . так. . . Значит, посмотрелся мира? . .

Карта была испещрена красными и синими полосами.

— У тебя как в генеральном штабе, — заметил Африкан.

— Газеты ежедневно получаю, — польщенный, ответил Божатко. — Оперсводку Совинформбюро первым делом читал. . . Как наши пошли вперед, даже намечал, куда пойдут. . .

— И угадывал? — с улыбкой спросил Африкан.

— Иное сходилось. . . угадывал.

Божатко аккуратно сложил карту, положил на шкаф. И снова взялся за хомут, свернув цыгарку. Сизый, сладковатый дымок поплыл в воздухе.

В избе было тепло, сухо, чисто, пол застлан цветными половиками. Божатко не спускал с брата сверлящих глаз, словно желая оценить новую шинель, складно сидевшую на Африкане, молодцеватые жесткие погоны с красной окантовкой, белый подворотничок гимнастерки, обветренное загорелое лицо.

— Так как же сам себя думаешь определить? — спросил Божатко, испытующе смотря на брата.

— Здесь буду работать, — ответил Африкан.

— Так, так. . . План восстановления будем выполнять. . . А не скучно ли будет в деревне? . . . После великих дел? . . . А? . . . Может, не веселей ли податься на городские квартиры? . . . Такого молодца живо в заведующие определяют. . . А? . . .

— Не знаю, скучно ли будет! Кажется, это от себя зависит. Где бы ни был, — в городе,

в деревне, за границей—везде сам-друг, от себя не уйдешь. Как ты на полях Маньчжурии или в Карпатах себя чувствовал — Жихаревым Иваном или каким-нибудь хунхузом?.. Война — великое дело, так чем плохое дело посадка лука, брюквы, свеклы?.. Ты меня постарше, сам знаешь, не так ли?

— Так, так.. именно.. Сидишь, бывало, на сопке, разговоры, думы только о доме.. Я к тому, что не лучше ли перемену жизни сделать, больно у тебя домишко неважный.. дорогонько нынче обойдется.. Так куда на готовенькое желания нет ли? Я сам знаю, как после войны дома жизнь начинать.

Поглаживая бороду, Божатко стал говорить о своем возвращении с войны. Семейство большое, жило у отца. Ни денег, ни хлеба, ни коровы, ни лошади.. У отца полно ребятишек, помощи никакой..

— Сам справился.. никому не досадил.. — закончил он.

Африкан понял — всем своим рассказом брат косвенно намекал не рассчитывать на его помощь. Божатко добился на старости лет тишины, покоя и не хотел, чтобы кто-нибудь тревожил его; даже замужних дочерей он не очень долюбливал, когда они с ребятишками докучали гостьбой.

— Приедут, насорят только, — сказал он, говоря о своих семейных делах.

— Вам, Африкан Иванович, жениться надо, — не отрываясь от работы, сказала все время молчавшая и безучастная к разговору братьев Дарья.

— Невесты нет.

— Татьяна Малинина чем плоха? Вдова. Двое ребятишек осталось. . . Ее дом развалить, свой уделать.

— Ты еще в армии был, а они уж у колодца обсудили. . . Глас народа. Вникай! — засмеялся Божатко.

Африкан понял, что если брат и согласится пустить к себе в дом его семью на время ремонта, решительно все будет тяготить его. А работы предвиделось много. Он представлял себе Вальку с Ванюшкой на руках, смущенно и робко сидящую рядом с мрачной теткой Дарьей, и не стал говорить о квартире.

— Что это я вас ничем не угостила, — спохватилась Дарья, когда Африкан собрался уходить. — Овсяного киселька со сметанкой не желаете ли? . .

— Любашка у меня варит что-то.

— Хозяйственная девушка, — отозвалась от прялки Дарья. — Ребят бережет. . . Мальчугана и то, вишь, сберегла.

Упомянув о Ванюшке, она прервала работу и, поджав губы, повернулась к Африкану. Казалось, она не придавала никакого значения замечанию о Ванюшке. Но за внешним спокойствием ее холодных глаз Африкан видел вечное осуждение Надежды, вечный позор на его голову.

Всем своим видом Дарья, машинально сучившая веретено на коленке, старалась подсказать невыгодное для него решение покориться своей судьбе. Склонив голову на бок, Божатко, ухмыляясь, с любопытством следил

за поединком. Он знал характер своей жены: каков тон задаст Африкан, так и отзовется через Дарью по всей деревне. Она всегда держала сторону сильного. Судьба Африкана и несчастного Ванюшки зависела от этого мгновения. Сумеет он повернуть мнение деревни в нужную ему сторону, — будет свободно и легко жить с людьми, не сумеет, — всю жизнь будут сыпаться оскорбительные насмешки.

Африкан весь напрягся, готовый к решительному отпору. Сурово и властно, как отдавал команду своему расчету в бою, он жестко ответил Дарье:

— Скажи всем бабам, Ванюшка — мой сын... и все... Вот так... До свидания!

Божатко с удовлетворением тряхнул косматой головой, признав победу за братом; Дарья, как будто ничего и не произошло, опустив глаза, взялась снова за веретено.

„Чортова баба, в пот вогнала, — подумал Африкан, выходя на улицу. — Теперь пусть там у колодцев высчитывают, мой сын или не мой. Все знают, что Надежда в госпиталь навещать меня приезжала... Первая же Дарья будет твердить: „Признал Африкан сына, за своего считает, бабоньки... При нем не упоминайте об этом, такой злой...“

VII

Африкан проходил мимо дома Василия Мартянова. Стук о раму остановил его. Его позвали в избу. В мутных стеклах окон виднелись

спины в солдатских шинелях. Шум и крики неслись из избы.

Африкан прошел темные сени, открыл дверь. В избе было жарко, накурено. За столом на лавках сидело человек десять демобилизованных солдат ближних деревень. Сам хозяин, сидевший на табурете с угла, поднялся на нетвердых ногах, табуретка грохнулась о пол, кто-то из солдат поставил ее на место.

— Ты что мимо проходишь? — кричал Василий, идя навстречу Африкану. — Соседей забыл?

— Не знал, что ты приехал, извини.

— Пятый день дома.

В расстегнутой гимнастерке с медалями, значком „Отличный минер“, покачиваясь, красный от жары и водки, Василий размахивал большими руками.

Он обхватил Африкана, прижал к себе, облобызал мокрыми губами и усадил на лавку.

— Александра, стакан! — крикнул он жене.

— Подожди, дай поздороваться с ребятами!

Люди в избе все были знакомые, почти одного возраста, вместе гуляли в парнях. Тут были Леон Сонин из Федурина, Кузьма Брызгалов из Манина, Никуличев из Матвеевского, братья Сиговы, Афоничев... Каждого Африкан весело тряс за руку, — было приятно еще раз очутиться в родной солдатской среде; от каждого веяло чем-то особенно свежим, внутренне сильным, в глазах каждого запечатлелись земные просторы, пережитые опасности, близость смерти... Тут были солдаты, сержанты, старшины.

Здороваясь с Лукьяном Репиным, Африкан напомнил:

— С тобой-то мы, кажется, хорошо знакомы?..

— Не забыл еще? — спросил Лукьян.

— Разве молодость забудешь?.. А ты?

— Как сейчас вижу... В Шухтове, в Спасов день... Ты первый налетел, драчун был, каких мало...

— И ты крепко мне дал... С неделю плечо болело. Невежество, темнота, дурили.

Василий налил стакан водки, подал Африкану.

— Догоняй! — сказал он. — На учет вставать ходили, каждый с собой и прихватил, — указал он на бутылки, стоявшие на столе. — Да на перепутье ко мне и зашли... Пей!

— О чем шумели? — спросил Африкан, ставя стакан около себя.

— Кому чего надо, — ответил Василий. — А я говорю, мне скорей к довоенному положению дойти, больше ничего не надо. Для этого дела я чорта сломаю!

Все были под хмельком, говорили не совсем складно, перебивали друг друга, спорили, увещевали и даже бранились. В разноголосом шуме и криках Африкан слышал одно — все хотели начать жить сыто, в тепле, без страха перед завтрашним днем.

— Улей! — кричал Василий. — Вот они пришли домой! В солдатах — ни заботы, ни печали... Голова в кустах или грудь в крестах. А тут, на тебе — жена, ребятишки... Вон их у меня сколько! — указал он на полати.

Есть избы в деревнях, в которые особенно

охотно собираются дети. Мальчишки и девчонки, мостясь друг на друге, с полатей, с печки, с любопытством глядели на веселье в избе. Заслышав шум, они собрались чуть не со всей деревни. У Мартьяновых было много своих ребятишек, к ним ходить никто не боялся, тетка Александра не гоняла их из избы. Бойкая остроглазая девчонка, сидя на верхнем приступке, укачивала на руках ребенка. Африкан среди любопытных голов увидел на печке и свою Вальку, он цепко держала на руках Ванюшку, который кряхтел и отдувался, словно не его держала маленькая нянька, а он ее.

— По-моему так! — остановил Василий шумевших. — Беспокоиться не о чем. Все учтено. Райисполком спустит по колхозам планы... Председатели доведут до нашего брата. И лупи во всю ивановскую!.. Власть знает, что делать, худого не придумает.

— Эх, ребята, — мечтательно сказал один из Сиговых. — На Кубани больно мне понравилось. Куда лучше нашего севера!.. Будь холостой, поехал бы туда. Ой, станицы хороши! А уж поля — говорить нечего.

— Кубанские мужики без нас справятся, — отрезал Василий. — Им на своих местах сподручней. Лучше наших мест нет. Побывал во многих странах... Вся географию выучил. Оно, может, и красиво — всякие там горы, леса, реки... Виды — на картинку годятся. Но воздух все равно не тот... Нету милей наших мест. Взгляните в окно, — указал он. — Раздолье!

Некоторые повернулись к окнам. Через за-

порошенные и запотевшие стекла белели снега, полыхало зимнее солнце.

— План — планом, — внушительным басом сказал Лукьян Репин. — Но и в каждой деревне надо что-то свое придумывать. По-солдатски, смекалку, инициативу проявить. — Он медленно развел руками в стороны, круто свел, точно что-то сжимая. — Ухватиться покрепче за землю... С планом всего Советского Союза скоро познакомят. Правительство разработает как положено... Но неужели мы в своих деревнях не найдем того, что сверху и не видно? Огороды ли, сады ли?.. Может, рыболовство развернем?.. Мы всего пятый день дома. Надо присмотреться, подумать...

— В этом соль, Лукьян Петрович, — воскликнул Африкан. — Как домой подался, все время думаю об этом. Руками и ногами схватиться, вот какое дело надо придумать.

— Верно, верно! — подхватил Василий. — Только я ничего не думал. Как отпустили, ровно шальной, опрометью, без оглядки домой... Четыре года огня давали, в клочья летело... За плуг, за лопату вцепиться хочется. Да на всех-то родных насмотреться, выпить с ними за здоровье, за мирную жизнь... Эй, наливай, братва! Вино ваше, угощайтесь сами!.. Чего ждете! Пей, Африкан, что не пригубил?..

Руки потянулись к стаканам и чашкам. Василий поднял стакан.

Пьем с надеждою чудесной
Из бокалов полновесных...

Первый гост
За наш народ!..

пропел он высоким звенящим голосом.

— Сколько песен певали, сколько людей видали, стран насмотрелись, — сказал он. — Кушайте во здравье! — он чокнулся со всеми. — Пьем!..

Когда расходились, Африкан придержал руку Лукьяна Репина.

— Когда случится, мимо моего дома не проходи... Буду очень рад побеседовать.

— Встретимся, Африкан Иванович, я от своих мыслей не отступлюсь, — ответил Репин.

— Ты пьян, Василий, или нет? — спросил Африкан, оставшись с ним вдвоем.

— Будет к шутам, — засмеялся Василий. — Люблю пошуметь для веселья. Неужели меня не знаешь? Чепуха. Пока кричал и вылетело...

— Слушай, пусти-ка ты меня на квартиру дней на двадцать. Избу надо отремонтировать.

— Пожалуйста! Веселее жить. Как, Александра? — спросил Василий жену.

Убирая посуду со стола, Александра показала на свою большую избу.

— Бывало, пройти негде, везде солдаты. Одни уйдут, другие явятся. Что спрашиваешь? Неужели с Любой около одной печки раздеремся?..

— Переезжай в любое время. Милости просим! — заключил Василий. — Мои ребяташки с твоими не перемешаются... У тебя ведь и прибылой есть? — тихо спросил он,

оглядываясь на жену, хлопотавшую у печки.

— Есть, Ванюшка, — глухо ответил Африкан. — Но молчи об этом, пока молчи.

VIII

Вечером Африкан ходил в баню.

Раздевшись при свете керосиновой коптилки, Африкан осмотрел своего сына. Панко был ладно сложен, станом крепок, но руки вяловаты, пузо толстовато.

— При бабах ты рос, Панко, мало тебя работать заставляли, жалели... Зря.

— Я все делал! — воскликнул Панко, недоумевая. — Что Любка скажет — все.

— Вот то-то, что Любка скажет... С детства силу наживай! Упустишь — не догонишь.

С первой встречи Панко и боялся отца, и с благоговением смотрел на него. Он хотел быть таким же, как отец. Захлебываясь от восторга, он рассказал в школе одноклассникам об орденах и медалях отца, перед географической картой показал его боевой путь, о югославских партизанах наговорил больше, чем знал о них сам Африкан. По рассказам Панко, маршал Тито то и дело появлялся то на одной горе, то на другой, и все партизаны кричали: „Живио, живио, маршал Тито!“

— Папа, больно было? — спросил Панко, рассматривая багрово-синий шрам на левом бедре Африкана.

— Сначала ничего... Слабость, пить хочется, — ответил отец. — В госпитале копать

стали, из ума вышибало... Один доктор все приставал, — давай отрежем, — гангрены боялся. Я, — говорю, — за свою ногу ручаюсь... Так и отстоял.

— А теперь не больно? — осторожно дотронулся Панко до края затянувшейся раны.

— Теперь все там упаковалось... Кровь свое сделала. Девять месяцев в госпитале как пан отлежал... Ну-ка, поддавай! — сказал Африкан, залезая с веником на полку. — Божатко придти обещался.

Панко плеснул на каменку горячей воды из ковшика. Шипя, сухие струи пара ударили в потолок, рванулись в стороны, заметались по верху, обжигая тело. Африкан взмахнул распаренным веником.

— Вот так, вот так, — приговаривал он. — Поддай еще!

В это время в предбаннике послышался шорох. Дверь распахнулась, в баню ввалился Божатко в полушубке и валенках.

— Удовольствие мне прервал... Только что к градусу стал приходиться, — сказал Африкан, свешивая голову с полка. — Панко мойся, я и забыл. Мы тут жару дадим, ополоумеешь.

Божатко раздевался. Панко, налив воды в таз, стал мыться, Африкан, лежа, следил за ним.

— Не чисто моешься, кое-как. За ушами намыливай! Торопишься... Мать была бы жива, кожу бы содрала с тебя...

— Любка тоже дерет здорово, — отозвался Панко, смывая мыльную пену с головы.

— С Любкой ходил, теленок?

— От нее не отвяжешься... Вот как схва-

тит голову, думаешь — оторвет. . . Спину — до крови.

— Молодец Любка! Узнаю характер, — промолвил Африкан.

— Помнишь, Божатко, наша мать заберется в баню, часов пять сидит. . . Нас на полоч насадит, как курей. Знай, по порядку моет. Девка постарше домой ребятишек таскает. . . Да бабы еще нанесут: „Матушка Хиония, не оставь, вымой младенца!..“ Писк, рев. . . Не откажет, хоть всю деревню вымоет. . . Крепкая была женщина!

— Сильные были люди, а умерли, — кряхтя, перебирался через Африкана на полоч длинный смуглый Божатко. — Недавно подсчитал — на моей памяти сто восемьдесят человек в нашей деревне умерло, на каждый дом девять человек. . . Это только взрослых.

— Вот еще какую статистику ведешь? — удивился Африкан. — К чему это?

— К тому! — сердито произнес Божатко. — Две старухи только меня старше в деревне остались. . . Я третий человек к могиле.

— Не охота?

— Нет, — взялся за веник Божатко. — Панко, действуй!.. У меня еще силы много. . . Изношусь, тогда и умирать можно.

— Это ты верно. Безвременная смерть горька. На войне кокнут — и весь разговор. . . А человек мог бы до ста лет жить, сколько делов наделать.

— Вот и надо оторвать голову всякой злобе. Жизнь-то больно хороша! — принял на себя первый жар Божатко, слегка тряхнув вени-

ком. — В бане особенно понимаешь. . . Осподи, осподи. . . За такую жизнь. . . Ай добро, ай добро! — сильнее ударил он по спине. — Все бы отдал, — кряхтел он. — Так, наверно, Ферапонт Головатый понял, — все за жизнь отдать можно. . .

— Исторический человек. . . Ты-то присоединился к его призыву? — спросил Африкан.

— Как же. . . восемнадцать тысяч внес, — промолвил Божатко, отдуваясь от жара. — Теперь вот жалею, — мало. . .

— Поди, есть деньги?.. Дал бы мне тысяч десять на ремонт, — испытывая брата, сказал Африкан.

— Что ты, какие деньги?! Издержался. Девки замужние все к отцу лезут, то одно дай, то другое. . .

— Ну-ну, ладно, я найду.

— Материальчика какого-нибудь дам, помогу. . . Денег нет, — повторил Божатко.

Панко то и дело плескал воду на каменку, пригибаясь все ниже к полу. Руки его уже не выносили жара, братья хлестались вениками, подставляя под удары спины, вздымая длинные жилистые ноги. В полумраке, в клубах пара слышалось сладкое кряхтение, свист веников.

— Вот так, вот так, — приговаривал Африкан.

— Потри веничком, не достать, — стонал Божатко.

— Вот так, вот так. . . Выходи военный дух, набирайся мирный.

Панко налил целый таз горячей воды и, еле держа его на вытянутых руках, поставил на середину пылающей огнем каменки. Палкой опрокинув таз, сам бросился на пол.

— Сукин сын! — взревел Божатко.

— Открой дверь! — крикнул Африкан.

— Окаянный! — ругался Божатко, слезая с полка. — Только разохотился. . . Пар в самый раз был. . .

— Почему я знал. . . Сами говорили — давай! — оправдывался Панко, сидя на полу около раскрытой двери.

Африкан, смеясь, поддерживал брата на мокрых ступенях.

— За тот пар, поди, все тридцать тысяч дал бы?

— Дал бы, ей-богу, дал, — задыхаясь от жара, с трудом выговорил Божатко.

Они сидели на мокром полу, отдыхали. Африкан рассказывал:

— Кивша Муравов, бывало, раза три из бани на снег выбегал. Идешь по горе, смотришь — большой, черный, по снегу, как лошадь, катается. Только охает: вах, вах!..

— Да, — отдышался Божатко. — До самой смерти работал. В тот год, как умер, четыреста трудодней Кивша заработал. . . Упрямый был на работу.

Отдышались, дверь закрыли, снова залезли на полку. Братья любили сами поозорничать в молодости. Божатко рассказал, как однажды парился он с отцом в бане и, уходя, натер все лавки перцем. После них пошли мыться бабы, перец загнал баб в речку, сидели в воде весь вечер. Мать Хиония, тогда еще молодая, неделю драла ему уши.

Шли из бани, подымаясь в гору, усталые, довольные. Вечер был тихий, морозный. Боль-

шие яркие звезды горели в небе. Избы, занесенные снегом, нахохлясь, словно ждали чего-то. Африкан с нежностью подумал о своей деревушке, с таким дорогим ему названием — Чарома.

IX

Утром Африкан и Никифор Огурцов шли в село, встать на военный учет.

Дул северный ветер, по полям несло снежную пыль. Низкое красное солнце играло блестками синеющих от мороза снегов. Ветер дул в спину, полы шинелей хлестались как паруса.

Никифор рассудительно говорил о делах деревни. Он уже обошел все дворы, хранилища, хозяйственные сараи, говорил с людьми, был у председателя колхоза Мирона Евстигнеева, жившего в Евлашеве. Мирон предлагал взять свиноводческую ферму — четырнадцать маток, два борова, но Никифор отказался, до весны может не хватить кормов, он не хотел рисковать.

Не перебивая, Африкан следил за неторопливыми движениями старого друга, вслушивался в его осторожные суждения, толковую речь. Ему нравилось, что Никифор успел проведать о всех делах колхоза, знал о них попрежнему — обстоятельно, словно и не был в отлучке, нравилось, что беспокоила его каждая мелочь.

Слушая, Никифор говорил о недостатке кормов, уменьшении поголовья скота, особенно

лошадей, засоренности полей, недостатке удобрения, и Африкан глухо бросал:

— За день ты все разведal. Беспокоишься... А я вот только в бане успел попариться...

Незаметно они прошли Евлашево, Песошное, поднялись из ложбины на Горбатое поле.

— Иду и думаю — стоит ли в колхозе начинать работать? — заключил Никифор. — Благо демобилизованным выбор — куда хочу, туда и поступаю. Не наняться ли лесником в лесничество?.. Жалование, избушка в лесу... Огород разделить, корову можно держать, поросят... Чего еще?.. Стереги свой участок. Спокой дорогой!

— Полно, — сказал Африкан. — Найдутся в лесничество люди в избушках сидеть, цыгарки покуривать... Ты не такой человек, туда не годишься. Соскучишься, в люди потянет.

У Африкана были свои заветные мысли, о которых еще никому не говорил. Он думал о большом деле. Оно совершенно ясно стояло перед ним, и отказаться от него, не выполнить его, он не мог, как солдат, получивший боевой приказ. Он хотел рассказать о своем плане Никифору, но, выслушав того, решил — не стоит говорить, рано, не примет к сердцу.

— Дома развернем дела, — уверенно произнес он. — Брось и думать искать счастья в другом месте.

— Какие дела? — безнадежно махнул рукой Никифор. — Я тебе сказал... Прокормиться мало-мальски и только...

— Ты опять о кормежке, — заметил Африкан. — Земля нас носит, да каждый день хлеба

просит, — напомнил он слова Никифора. — Маловато это нынче так думать...

Никифор на мгновение остановился и возмущенно взглянул на Африкана. Его покинуло обычное спокойствие. Глаза его слезились от ветра и ярко блестящего снега. Он вытер их уголком платка, вздохнул, аккуратно сложил платок, положил в карман.

— Ты другой стал какой-то, — ответил он. — Раньше ты тоже только о хлебе думал... И жили подходяще... О чем же другом думать? — повысил он голос. — Жена, дети... Прокормить их я обязан?... О чем же другом, как не о хлебе?... О любви, что ли? — съязвил он, вспомнив вечер у Алеши Потанина.

Но Африкан не успел ответить, сзади раздался громкий окрик: „Берегись!“ Они бросились в стороны. Лошадь, запряженная в сани, разметывая комья снега, промчалась мимо. Кучер в тулупе с поднятым воротником. Седок в пальто, высокой военной папахе оглянулся, потревожил рукой кучера. Лошадь остановилась.

Они подошли. Седок, пристально смотря на Африкана, спросил:

— Жихарев?

— Да, — ответил Африкан, вглядываясь в незнакомое лицо.

— Африкан Иванович?

— Он.

— Садитесь, довезу.

— Спасибо! — усаживаясь рядом, сказал Африкан. — Да кто вы будете?... Не могу признать.

Никифор сел рядом с кучером. Лошадь тронулась.

— Сеньку Кудрявцева помнишь? — ответил незнакомец, отодвигаясь на край сидения.

— Помню, как же!.. В пятом классе на одной парте сидели.

— Ага... Я Сенька и есть.

— Семен Николаевич! — изумился Африкан. — Постой!.. Лет двадцать пять не видались... Я-то из пятого класса ушел... Дай-ка взглянуть на тебя, — повернулся он. — Ты, верно!.. Надо же?!

— Я тебя сразу узнал. Все прежнее, только укрупнилось... Походка, плечи... Теперь вижу глаза, нос... Все на своем месте, — улыбнулся Кудрявцев.

— У тебя тоже как будто на своем месте, — с усмешкой промолвил Африкан. — Глаза серые, нос толстый... Проведать своих приезжал? Где живешь? Поди, большой человек?.. Ты ведь, говорят, много учился.

— Университет в Ленинграде окончил. Там и служил до войны, — ответил Кудрявцев.

— Так-так...

Помолчали. Африкан вспомнил белоголового парнишку из Фомкина, сидевшего с ним на одной парте в пятом классе сельской школы. Парнишка был невзрачен на вид, но шаловлив, боек. Африкану часто приходилось вступаться за него на переменах и на улице, когда, уходя домой, сельские ребята нападали на деревенских. У Сеньки Кудрявцева в сумке вечно были приключенческие книжки, он их читал запоем, любил географию и историю,

не умел решать задач, списывал их у Африкана перед уроками.

— Где же теперь живешь? — спросил Африкан, оглядывая полную фигуру Кудрявцева в меховом пальто с каракулевым воротником.

— Здесь, в селе... Жена у меня учительница, эвакуировалась из Ленинграда, да и осталась... Квартиру разбомбили... Ну, вот и я здесь.

— И не скучно? — живо спросил Африкан, вспомнив вопрос Божатко.

— Нет, ничего, — улыбнулся Кудрявцев. — Не скучаю...

„Кем же он это здесь? — думал Африкан. — Спросить как-то неудобно... Поди, заведующий банком?.. Либо директор рыбтреста?.. Дошел Сенька, молодец!“

Они въехали в улицы села. Лошадь шла быстро, кучер весело покрикивал на прохожих. Никифор, приглядываясь к бегу лошади, заметил:

— Хорошо идет... чуть припадает на правую заднюю...

— Учи ученого... Шалит, — ответил басом кучер.

Миновав памятник Ленину, кучер лихо подкатил к подъезду двухэтажного каменного здания, вверху которого помещался райком партии, внизу райвоенкомат.

Кудрявцев пригласил Африкана к себе.

— Ты где же здесь?.. Вверху или внизу?.. — спросил Африкан.

— Я — секретарь райкома, — ответил Кудрявцев, выходя из саней.

— Мать честная! — невольно воскликнул Африкан. — Мой самый главный начальник.

— Ты партийный?

— Да, — ответил Африкан.

— Зайдем, поговорим... Пусть буду и начальник, — сказал Кудрявцев, беря его за руку. — На одной парте сидели... Шутка ли?..

Х

Подымаясь по лестнице во второй этаж, следом за Кудрявцевым, Африкан быстрым движением подтянул ремень, расправил складки шинели.

Кудрявцев прошел к письменному столу, стоявшему у окна. Из окна был виден летний сад, теперь заснеженное пространство с оголенными деревьями. На расчищенном льду пруда катались на коньках мальчишки. Кудрявцев сел на стул, указав Африкану кожаное кресло напротив.

Африкан узнал, что секретарь райкома только месяц назад прибыл из армии, был заместителем командира полка по политчасти, в звании майора, дважды ранен. На его гимнастерке, над клапаном левого кармана, пестрели две линии разноцветных колодок.

Африкан после радостной встречи отвечал на вопросы кратко и как-то сдержанно. Это не ускользнуло от внимания Кудрявцева. Оба невольно изучали друг друга: начальник смотрел, достаточно ли подготовлен, дисциплинирован молодой член партии, подчиненный

следил, есть ли в начальнике достоинство, опытность, внутренняя сила.

Перед Африканом был теперь не парнишка из Фомкина, с которым украдкой от учителей играл в перья, не раз сшибался по самому пустяшному поводу. Перед ним был человек с университетским образованием, старый член партии, руководитель большого района тысячи в две квадратных километров. Кудрявцев был невысок ростом, но широк и плотен.

Не так просто было почувствовать себя снова на одной парте уже не в школе, а в жизни. Кудрявцева часто отрывали телефонные звонки, на столе лежали бумаги, в приемной ждали посетители. Африкан понимал, что секретарю райкома не до воспоминаний о детстве.

— Да, ты прав, — сказал Кудрявцев, — надо работать у себя дома... Вернее даже везде чувствовать себя как дома... Когда я учился в университете, не скрою, — свое Фомкино меня совсем не интересовало. Думал, конечно, где-то буду работать далеко, далеко... Где-нибудь в Арктике или на Камчатке. Или в Ленинграде, Москве... Никак не меньше... А для чего же и учился как не для своей родины, не в широком смысле, а в самом узком, — для своего Фомкина... Бывал в вашем колхозе, знаю... Все выполняется аккуратно, в срок. Председатель молодчина. Но огонька мало.

— А мы огонька дадим, научились, артиллеристы, — вставил Африкан.

— Чем же огонек разожжешь? — спросил Кудрявцев.

— У меня идеяка есть, Семен Николаевич!

— Какая же?

— Надо еще с людьми поговорить... Как бы вхолостую разговор не был. Подожду пока, потом скажу.

— Нет, ты от меня не отделаешься... Идея — это огонек в душе человека, — заметил Кудрявцев. — Выкладывай!

— Ну что же, придется, — согласился Африкан. — Знаешь нашу деревню?.. От большой дороги, налево от сеновалов, в сторону болота — кочки и кусты, заброшенный, неустроенный участок, гектаров полсотни... Сплю и вижу — разодрать, разделить под огород... Все силы положу.

— А ну-ка! — вскочил с места Кудрявцев. — Иди сюда!

Африкан подошел к карте района, висевшей на стене.

— Евлашево... Чарома... Вот это? — указал Кудрявцев.

— Это, — сказал Африкан.

— Идеяка замечательная, — отметил синим кружочком место на карте Кудрявцев. — Но только имей в виду, нарушить план колхоза нельзя.

— Знаю, — ответил Африкан. — Но так повернем дело. Вдруг я не приехал бы домой... что-нибудь в дороге случилось или сам застрял... Не будь этой идеяки, я бы в городе устроился в транспортную контору гужеедом... Колхоз без меня план выполнит?

— Выполнит, — понял мысль Африкана Кудрявцев и взглянул на карту... — Озеро, несо-

мненно ледникового происхождения, вытянулось с севера на юг... Каменный остров посреди, в виде судна, льды обтесали... Были когда-то леса... Перегной, торф по всему берегу... Надо будет послать людей, анализ почвы сделать...

— Да, Семен Николаевич!— воскликнул Африкан. — Не знаю, как в других местах, у нас под Чаромой — ценнейший перегной, пять-шесть лет, ручаюсь, никаких удобрений не нужно, полный севооборот пройдет... Потому и зарюсь на это место, золотое дно. Завалим город овощами.

Они, как когда-то в классе, стояли у карты, рассматривая родные холмы, дороги, поля...

И не было уже неприятного чувства неловкости и настороженности, они понимали друг друга с полуслова. Африкан говорил о своей деревне, трудностях, жестоких ранах войны, о том, что надо везде и всюду найти большое, ценное, схватиться за землю крепче, чем раньше, помнить что земля — источник силы, плоть и кровь людская.

— Дополнительно, понимаешь, дополнительно, Семен Николаевич, что можно поднять у нас на севере?... Ведь не разделаешь такие поля, как на Украине... Овощи... Первосортные, сочные... Близость города... Завалить овощами рынки... Через овощеводство увеличить поголовье скота, навозом удобрить поля... Зацветет, зацветет край... Скажу прямо—я не специалист-овощевод, я не знаю многого, как в больших масштабах развернуть дело... Но я мужик, знаю каждый клочок земли в

своей деревне... Научусь, заставлю других знающих работать, но не сдам... В этом соль, заверяю.

— Так, так, правильно, — подхватывал Кудрявцев, заражаясь горячими словами Африкана. — Но только знай, план колхоза незыблем, не нарушать, — прощаясь, напомнил он.

„Вот он каков, парнишка из Фомкина, — думал Африкан, спускаясь по лестнице, — все об индейцах да мореплавателях читал... Ухватист... Сразу и кружочком на карте очертил“.

В райвоенкомате Африкан встал на учет, в рике получил ссуду на ремонт дома, в сельсовете — ордера на древесину и дровяник. Снова с Никифором они шли по дороге домой.

— Который раз ты мне не ответил насчет хлеба? — сказал Никифор.

— Что ж, прямо скажу, как понимаю. Думай об общем деле, скорей сыт будешь... В этом соль!

— Вот оно, — покрутил головой Никифор. — Говорил я, что ты другой стал... Партийный, вишь...

— В сорок втором вступил. Помнишь, приказ Сталина изучали?

— Помню, тяжелое было время.

— Образованьишка маловато... Да ничего, учиться буду.

— Ой ли? — усомнился Никифор. — И время найдешь?... После пашни за книжечку?... Не знаю, газету едва проглядишь. Затейник ты, Африкан, стал, как я погляжу. У Алеши

о песнях да о любви говорил... Теперь учиться... Не мечешься ли, парень?

— Так, Никифор, — серьезно ответил Африкан, — хоть мы с тобой и университеты жизни и смерти на войне кончали, а за книжечку надо браться.

— Программа большая, нечего сказать, — вздохнул Никифор. — До нового урожая хлеба в твоей семье хватит?

— Не знаю... Любка еще не сказывала, что у ней есть.

В Евлашеве Африкан зашел в правление колхоза, к председателю.

Выслушав план Африкана о разработке большого участка под огородные культуры, чернобородый, лет пятидесяти, остроглазый Мирон Евстигнеев расхохотался раскатисто, звонко, показывая белые, крепкие зубы.

— Уморил... Один думал или с Любкой? — откашлявшись, спросил он. — Смять весь план?... Отдать лошадей, удобрение, рабочие руки?... Замолчи лучше! Тебе что?... Охота заработать?... Мы план с правлением разрабатываем. На трудодень придется до десяти килограммов всякого продукта. Чего еще?... Дам заработать сколько угодно, только не ленись. Будешь сыт, пьян и нос в табаке. Все!.. — махнул он рукой, берясь за счеты.

Лошадь для вывозки леса взять разрешил.

„Спокойствие, терпение, гвардии старший сержант, — говорил сам себе Африкан, шагая к дому. — Уломаем толстые бока Мирона“.

Наутро ребята перешли жить в избу Василия Мартьянова. Африкан открыл чистую половину — по избе пошел холод, — вытаскал всю мебель в горницу. Вынул рамы, ветер загудел по избе, выдувая сырость.

Нашел у Божатко около конюшни маленькие санки, запряг телушку. Телушка прыгала, металась по проулку. Африкан скрутил ей веревкой рога, повел под гору к речке. Копал у обрыва глину, возил весь день к дому под крыльцо.

Панко пришел из школы в пустую избу. Забравшись в печку головой вперед, Африкан выламывал изношенный под. Вылез оттуда измазанный, закурил.

— Обрывай, сынок, эти клочья, — указал он на сырые, заплесневелые обои. — С потолка, со стен — все рви. . . Оборвешь, — в корзину и под горой сжечь!

Сам залез снова в печку, выковыривая оттуда кирпичи. Панко нарвал полную корзину, снес сорванную бумагу под гору, возвратившись, снова сдирал обои, обнажая закопченные стены. Африкан выбросил весь под на пол. Изба наполнилась кирпичной пылью и золой.

Начинало смеркаться, когда Африкан пришел к Мартьяновым. В избе были только малыши. Василий возил в поле навоз, Александра и Люба работали на скотном дворе. Ребятишки играли в „мешки и мельники“. Девчонки, изображая из себя мешки, стояли на лавках, мартьяновские парнишки — мель-

ники — таскали на спине девчонок с лавки на лавку.

— Мешок полный, — кричали одна за другой девчонки.

Мельники подходили на крик, щупали — полный ли, взваливали на себя и, кряхтя, тащили девчонок. Четырехлетнюю дочку Мартьянова и Ванюшку, топтавших на полу, часто опрокидывали, дети падали, ушибались, но молчали, увлеченные игрой.

Он взял с полу Ванюшку. В первый раз брал он мальчика на руки. Чувство брезгливости ужалило сердце, дрожь пробежала по рукам. Плотное тело Ванюшки возбуждало ненависть, напоминало об утраченной любви, разлетевшейся в прах при первом же большом испытании... Нет, он не хотел верить в измену жены, даже под влиянием минутной вспышки страсти. Она всегда, всегда любила его. Ведь и умерла-то она только потому, что любила его, сама себя наказала за горькую обиду, нанесенную ему.

— Ох, ты, разудалый Ванюха, — беззвучно шептал Африкан. — Ты-то ни в чем, никак не виноват... Выплыл на свет --- и прав. Папа... Папа... Солдатский сын. Много еще с тобой помучаешься... Ай, молодец!.. Прыгай, копи силу, а там посмотрим.

Пришел Панко с сыном Мартьянова, ровесником, тоже учеником пятого класса.

— Ох и горело! — восхищался Панко. — Зарева не видно? Мы все обои спалили.

Придя с работы, Александра и Люба накормили ребят, уложили спать, в избе стало

тихо. Приехал Василий. Африкану хотелось спать, он разослал у порога постель, лег. Засыпая, думал: „Говорят, в тесноте — не в обиде, чепуха... Надо скорее с ремонтом“.

Чуть свет он снова запряг телушку. Телушка дрожала, боялась его сильных рук, косила на Африкана темные глаза. Он навозил глины, потом поехал за песком. У поворота большой дороги, при въезде в деревню, был старый карьер. Африкан вырыл в снегу яму, откопал чистый, сухой песок. Сразу за карьером в направлении болота и было то место, о котором у него возникло столько блестящих планов. Он привязал телушку к изгороди, отгораживающей луг от дороги, пошел взглянуть на облюбованный участок.

Проваливаясь по колена, он обошел кругом весь участок от реки до ручья, протекавшего между лугом и выгоном. Равнина озера блестела на солнце километрах в трех.

Слева к озеру примыкало болото, заросшее ивняком и ольхой. Озеро весной разливалось почти до сеновалов, не доходило до дороги на семьсот-восемьсот метров. Вот эту-то полосу на пятьсот метров от дороги и на километр между рекой и ручьем, гектаров на полсотни, и хотел видеть Африкан всю в зеленющих стройных грядках. Он шел между кустами, проваливался, натыкался на кочки, думал: здесь перегной — огурцы, песчано — морковь, кислая земля — известковать, капуста пойдет, здесь рыть канаву, осушить. Неустроенные участки! Сколько их по районам — сотни! Неустроенные участки, неустроенные люди!

Никифор Огурцов ходил в лесничество — не взяли, полон штат, ходил в милицию — не взяли, строевой выправки нет. Мечется Никифор. Неустроенные люди! Татьяна Малинина уже приходила к Африкану. Тихо и покорно смотрела на него. „Возьми замуж“, — словно выражал весь ее облик. Но что сделаешь, когда сердце ни разу не екнуло. Он обещал ей помочь отремонтировать избу, ушла чуть не в слезах. Почему Любка — устроенный человек? Панко и тот цепок, как клещ. Неустроенные участки, неустроенные люди...

— Ну, ты, неустроенное животное! — отвязывая телушку, похлопал Африкан ее по мягкому боку. — Тебя-то я скоро устрою... Раз полсотни еще сгоняю, завертишься.

Он завалил глиной и песком часть двора.

— На что столько, папа? — удивилась Люба.

— Пригодится!

Африкан съездил в город, накупил гвоздей, красок, кисти, извести, мелу. Вывез из леса несколько бревен — сухоподстойника, навозил дров. Купил драни на крышу, моху для конопатки.

Божатко, довольный тем, что Африкан не переехал к нему на квартиру, в свободное время помогал брату. Он вытесал косяки, подушки, починил рамы, вставил несколько своих стекол, заменив разбитые, дал кислоты, поставить на блюдечки между рамами, чтобы не запотевали стекла. Африкан начал с крыши. Снял ряд теса, покрыл дранью. Переложил трубу, обновил в печи под. Вырубил простенки, бревна подвести взамен гнилых. При-

шли помочь Никифор и Василий, вчетвером подняли углы, подвели бревна.

Божатко вставил рамы. Принес последнюю свеже-подструганную раму, вырубил гнилушки в косяках, наложил заплаты из досок. Раскачиваясь на своих длинных ногах, Божатко, посмеиваясь, сказал:

— Ну, спасибо, меньшак!

— За что мне-то? Тебе спасибо, помог,— отозвался Африкан.

— Честь дома поддержал — ответил Божатко. — Жихарь, ведь это — хозяин. А какой же это хозяин, если начнет с попрошайничества? Ты вот сам начал все делать. Себя показал. Ну и народ, видишь, к тебе полез помогать. Никифор, Василий, я, с почтением, готовы помочь по силе возможности. А вот если бы наоборот — стал бы кланчить — помогите, мол, изба валится, а сам палец о палец не ударил бы, пожалуй бы и у других охоты помогать не было. Я и сам бы первый отказался, хоть ты мне и брат.

— Вот ты какой... мудрец!

— Да, не люблю, когда без конца канючат: дай, дай! У меня, мол, ничего нет, все война разрушила: дай, дай!.. Нет, ты сначала себя покажи, а потом люди сами с охотой дадут. Вот... Прежде всего себя подтягивай, не распускайся. Вот как я думаю, меньшак!

— Да ты прав, — убежденно произнес Африкан. — В армии хорошо об этом в боевых характеристиках писали: „требовательный к себе“... Первое условие работы солдата, офицера, генерала.

— Фу ты, господи, — поразился Божатко, — я наговорил с короб, а оказывается, в двух словах можно! Требовательный к себе!.. У нас в прежней армии такого слова не было.

Изба пахла свежим лесом. С утра до поздней ночи стучал топор, визжала пила. Прошли две недели настойчивого, тяжелого труда. Но не все еще было кончено. Африкан обзавелся деревянной колотушкой; клиньями, проконопачил избу.

— Все? — спросила Люба, с нетерпением ожидавшая конца ремонта. — Надоели мы, папа, Мартьяновым.

— Ничего, года через два-три у нас поживут, тоже им поправлять придется.

— Неустроенный дом! — ворчал Африкан, прибывая к стенам наискось длинную тонкую дрань.

Он работал ночами с огнем, спал часа три в сутки в углу, завернувшись в тулуп. Подготовил избу для штукатурки, хотел готовить уже раствор. Но рано утром к нему приехал Мирон, председатель колхоза.

— Собирайся, поедem сейчас в село, — сказал он. — Председатель рика вызывает тебя и меня.

— Чего ему! — удивился Африкан.

— Не знаю... Приказано, понятно? — ответил Мирон.

XII

До села всю дорогу спорили. Африкан просил отдать участок у дороги под огород, Мирон не соглашался.

— Там три воза сена накашиваем, все при-

быль, — говорил Мирон. — Займешь участок, и этого не будет. У тебя знаний нужных нет, сила одна, этого нынче мало. Вспашешь, посадишь, огурцы пустоцвет выбросят, капусту блошка да листоед выгрызут... У нас есть в колхозе огород, пять гектаров. Огородник — специалист. Сверху пока больше не требуют.

— Неустроенный участок-то, кочки, кусты. Зацвело бы кругом, красота!

— Мало ли еще неустроенных участков, хватит возделывать на несколько пятилеток. Колхоз в числе передовых, сбить план не хитрое дело. Ты забываешь полеводство, животноводство. Со стариками да женщинами за годы войны план выполняли, гордимся этим... Поправил избу?

— Осталось немного.

— Принимайся за работу, пора уже, — сказал Мирон. — Другие демобилизованные давно работают.

— Нет, сердись, не сердись, не понимаешь ты моей идеи.

— Один человек брехнул, это еще не мнение массы, — отмахнулся от него Мирон. — Согласись на твое предложение, завтра же потребуешь трактор для первой вспашки, лошадей для второй, удобрения, людей... План — государственное дело, кто позволит сорвать?.. Бери Княжевой луг, лопаткой один ковырайся, — засмеялся он, — как дикарь с мотыгой. Я уже тебе говорил, хочешь заработать — дам сколько угодно, только не ленись. План колхоза подготовляем обстоя-

тельный, не в пример прошлого года, сыт будешь.

— Ой, драться буду, — сердито произнес Африкан. — На первых же собраниях... Пойду на все...

— Твое дело, — буркнул в ответ Мирон. — Смотри, как бы не осмеяли? Народ нынче по сельскому хозяйству ученый, разберутся. Ты свою идейку на район вынеси. Председатель рика тебе покажет!

Мирон насмешливо взглянул на Африкана, в черных глазах его выразилось превосходство, довольство опытного, знающего себе цену хозяина. Он выпрямился на сидении, лихо подбоченился, как молодой парень, едущий на гулянье, выпростал из санок правую ногу, уперся на завертку оглобли, натянул вожжи. Красные от мороза и ветра руки уверенно правили сытой лошадыю.

За поворотом до Песошного впереди показалась лошадь, запряженная в легкие санки, в которых сидели мужчина в высокой шапке и женщина, укутанная темной шалью. Мирон ударил по лошади. Узнав председателя Перебатинского колхоза, сворачивая в сторону, Мирон крикнул:

— Ульян Гордеич, подстегни!

Разбрасывая кругом комья снега, лошади понесли. Все Горбатое поле шли рядом, только при въезде в село у кузниц Мирон обогнал. Довольный, скаля белые зубы из-под черных усов, он проехал село шагом и завернул на площадь к зданию райисполкома, у которого собрались десятки возков и саней.

Мирон укрыл свою лошадь попоной, выбросил из саней вязку сена.

— Чорт, везде первый! — подъезжая к ним, крикнул председатель Перебатинского колхоза.

— Не отставай! Отсталых бьют, — задорно ответил Мирон.

Африкан взглянул на женщину, выпрыгнувшую из санок. Раскрасневшееся миловидное лицо выглядывало из-под тяжелой шерстяной шали. Женщина сняла шаль, ловким движением стряхнула снег, перекинула на руку.

— Кто это? — шопотом спросил Африкан Мирона.

— Катерина Круглова, лучший овощевод в районе. Во невеста, не зевай! — добавил он, толкнув локтем Африкана. — Тебе жениться все равно надо.

— Разве она не замужем? — живо спросил, Африкан.

— Муж убит, года два назад... Пойдем, познакомлю. Отбей ее у Ульяна, вот разведем огород...

— На огороде жениться?

— Дело говорю, слушайся старика.

Взяв узелок из саней, Круглова быстро пошла к крыльцу рика.

— Катерина Михайловна, стой! — крикнул Мирон. — Куда торопишься?

— По делу, что вам? — остановилась она.

— Хочу жениха представить, а она бежит.

— Подите вы, — серьезно сказала Катерина.

— Я сама найду жениха. Да, он мне и не нужен.

— Что ты! — воскликнул Мирон. — Ты хоть

познакомься... Жихарев, Африкан Иванович, — сказал он, подходя с Африканом. — Только что из армии... орденосец и прочее, герой. Образованный человек... И тоже овощевод, правда — без огорода.

— Ой, сколько наговорили, — ответила Катерина.

— Я вам обоим уши оборву! — подходя, сказал Ульянов. — Женихи!..

— Он бережет ее, как Кащей Бессмертный Василису Прекрасную, — захохотал Мирон.

— Что ж, я за Ульяновом Гордеичем как за отцом родным живу, — сказала Катерина и взошла на крыльцо.

В коридоре и приемной было полно народа. Мирон и Ульянов вошли, важно раскланиваясь, пожимая руки председателей колхозов, бригадиров, съехавшихся с разных концов района. Усаживаясь на скамейку, Мирон снял шапку, вынул гребень, расчесал волосы, бороду. Ульянов устроился рядом с ним, Африкан замешкался, ему не нашлось места, он прошелся по коридору и столкнулся с Катериной, вышедшей от агронома.

— Вы уж извините, Катерина Михайловна, — сказал Африкан, останавливая ее. — Наболтал старик, неудобно и говорить с вами.

— Я не придавала никакого значения его словам, — равнодушно ответила она.

В темном коридоре открылась одна из дверей, и на мгновение Африкан увидел смуглое, загорелое лицо, большие ясные глаза Катерины.

— Мне говорили, что вы лучший овощевод в районе... Я очень хотел бы с вами погово-

ритель, как наладить дело. . . Признаться, в армии мы эти четыре года помидорами не занимались. .

— А вы зайдите к агроному, он вам все и расскажет, — указала она на дверь, — главное — спинку жалеть не надо.

— Спина у меня вынесет.

— В этом и весь секрет. . . Да поменьше спать. Не с росы урожай, — с поту. . . Извините, мне некогда, — и скрылась в одной из комнат.

— Это не Татьяна, — подумал Африкан, — не напрашивается на замужество.

Народу все прибывало. В дверях показался Лукьян Репин. Увидав Африкана, он бросился к нему, крепко пожал руку.

— Как дела? — спросил Африкан.

— Замечательно, — возбужденно и весело ответил Лукьян. — Вот с председателем идем договариваться. Ссуду небольшую надо. Такое дело закутили. . . Рыбачью артель. Лодки, снасти, все на широкую ногу. Увидишь, закормим рыбой.

— Рад за тебя! А я вот ничего не добьюсь. С избой возился. . . Предлагаю огород гектаров на полсотни разделить — ни в какую. Заметь, секретарю райкома сказал об этом, тот сразу схватился за эту идейку.

— Ты разве говорил Кудрявцеву об этом? — спросил Мирон.

— Да, — ответил Африкан. — Семен Николаевич мой школьный товарищ, на одной парте сидели. Встретились, он меня затащил к себе. Толковали о том о сем, об огороде, я и выложил, мол — неустроенный участок. И тебе в тот же вечер сказал.

— Постой, Африша! — поднялся с места Мирон. — Пойдем-ка туда, — он взял за рукав Африкана и потащил в дальний угол коридора.

— Значит, за этим и вызывают, — зашептал Мирон. — А я-то соображаю, — зачем нас вызвали? Председатель составляет план района, надо данные. Ох, и подвел ты меня, Афришка. Зачем мне раньше не сказал, что о твоём предложении знает секретарь райкома?

Он что-то забормотал про себя, вздыхал и охал, наконец с отчаянием махнул рукой.

— Двадцать гектаров поднять целины можно. Так и будем говорить, Африша, так и будем. . . Двадцать гектаров. Это будет чудесно.

Предположение Мирона оправдалось. Председатель райисполкома, узнав от секретаря райкома о предложении Африкана расчистить под огородные культуры часть береговой полосы озера, хотел узнать, сколько гектаров земли может обработать колхоз без ущерба для основного плана работ. Мирон назвал двадцать гектаров. Предрика сказал, чтобы колхоз предварительно подготовил участок для вспашки, трактор он даст. Африкану напомнил о ссуде, указав, что не плохо бы вернуть ее поскорее.

— Да мне бы только участок. . . Тыщи трудодней бы заработал. Домой бежал, все думал о нем. . . Одно слово — пустопесье.

— Как ты сказал?

— Пустопесье, — повторил Африкан.

— Это слово! — восхитился предрика. — Да, я его пушу по всему району.

Выйдя из кабинета, вспотевший Мирон сказал:

— Ну и дал ты мне урок... Хорошо, спросил только цифру. А ежели б, что налажено по сему вопросу?... Пришлось бы врать.

— А я бы врать не дал, — ответил Африкан. — И ты мне урок дал. Знаю теперь, как с тобой работать.

— Молодо-зелено... Поехали домой.

Несколько дней ушло на определение севооборота, на подсчет трудодней, материалов, предполагаемой продукции... Потом Африкан и Мирон были на районном совещании. В заключительном слове по докладу о плане района предрика пустил слово Африкана „пустоплесье“. Слово имело успех, оно в точности выражало настроение людей, бравшихся за большие дела, не хотевших видеть вокруг себя ничего неустроенного. В обращении к колхозам так и было сказано: „Изжить пустоплесье в нашем районе, освоить всякого рода неустроенные участки, гиблые места“...

Два дня на совещании Африкан провел вместе с Катериной Кругловой. И в эти дни он понял, что без нее не может жить. Все в ней нравилось, а главное — ее спокойная независимость.

ХIII

В избе было душно и жарко. С утра пылали в печке дрова, Африкан кипятил в чугунах воду, разогревая в корыте мерзлую глину. В большом ящике он готовил раствор для

штукатурки из глины, песку и навозной жижи. Составлять раствор он научился на Украине, сверкающая чистота хат навсегда осталась в его памяти.

Панко пришел помогать. Начинало темнеть, когда они принялись за работу. Панко мешал лопаткой раствор, на широкой доске подносил отцу, стоявшему на столе. Африкан лепил к потолку ком за комом, растирая его гладкой дощечкой. Мелкозернистый липкий состав, протертый сильной рукой, крепко держался на потолке.

— Смотри, Панко, ничего хитрого, — говорил Африкан. — Вот придет Любка, с тобой стены будем обмазывать... Знай шпарь, одно удовольствие.

— Могу, конечно, — с увлечением ответил Панко, видя как ловко и быстро работает отец.

Зажгли лампу. Темный сырой потолок не понравился сыну.

— Ой, как худо, папа! Как в овине!

— Выкрашу, что ты! Такие цветочки наведу. Будет чисто, светло!

Панко без устали бегал от ящика с раствором к столу и обратно. Он вытирал пот рукавом рубахи, размазывая его по лицу. Когда Люба принесла чугуна с картошкой и молока, лицо, руки, рубаха, штаны Панко — все было в глине. Люба выругала его, Панко не сменил одежды, в которой ходил в школу.

— Попробуй, тоже замажешься, — огрызнулся Панко. — За папкой не угонишься.

— Хорошо работает! В подручные годится. Выстирает, Любашка! Я его научу, важнецки будет стирать, — сказал Африкан, принимаясь за еду. — Мы ведь, Панко, стирали на войне в самолучшую. Еще друг перед другом похваливались, кто лучше.

— Неужели, белье стирали? — удивленно спросил Панко.

— А ты думаешь, война-то что?.. Как на картинке, выехал в чистое поле и постреливаешь?.. Хочешь быть хорошим солдатом — выносливость, силу наживай!.. Иначе смерть, дурачком погибнешь. Зайдем огневую позицию, сейчас все за лопаты, ломы, кирки, кто чем лупит. Да поживей! Перво-наперво — большой круглый окоп для пушки... Закатим ее, замаскируем. Ровики начнем рыть для людей, снарядов. Весь взмокнешь... Ну, окопаешься, смелб себя чувствуешь. Расскажи-ка ребятам в школе, в чем соль солдатской жизни... А бельишка-то тебе дадут две пары. Стоим в лесу, на берегу реки, в камышах — ни деревни, ничего. Где кладовщику выстирать — нас орава, тысячи. Сам выстираешь, высушишь, переоденешься. Одна пара в мешочке чистая, другая на тебе... Я-то, как командир, проверю своих солдат, все ли чистые, белье свежее ли...

Обмазывать стены было проще. Африкан обделывал верх, Панко низ. Люба едва успевала подносить раствор.

Они проработали за полночь.

— Папа, — сказал Панко просящим голосом, — спать хочу.

— Что ты! — вскинул на сына насмешливо-веселые глаза Африкан. — Знаешь, как я с матерью, твоей бабкой Хионией, в город ходил?.. Ты не ходил?

— Нет, я в городе не был.

— У, какой необразованный! Поосвобожусь, съездим... Так вот, бывало мать соберет на продажу молока, картошки, луку, всякой штуковины... Меня с собой. А машины тогда по нашей дороге не ходили. Я был в твоих летах. Навяжет мне мать через плечо две корзиночки, пудика полтора весом, и пойдем под вечер... Всю ночь и идем. Сорок километров. Вот в город утром придем, продадим на рынке и обратно пешком. К вечеру тут как тут дома. А ты говоришь — спать хочу!

Африкан сидел на табуретке, Панко прилежался рядом на полу. Он с обожанием смотрел на отца.

— Завтра ты в школе героем будешь, — продолжал Африкан. — Ребятишки тебе завидовать будут. Спросят, неужели всю ночь не спал?.. А ты эдак гордо, грудь колесом, чего, мол, тут трудного?.. Избу скорей надо отделявать, посевная на носу! Вот как им отмочи.

И Панко на мгновение представил себе озадаченных школьных друзей.

— Он ведь у нас больше до посиделочкам ударял, — сказала Люба. — Чуть отвернусь — в двери, да на улицу.

— И это хорошо, — заметил Африкан. — Гулять тоже надо. Только гуляй, чтоб кровь ходила. С горы кататься, так уж кататься!..

В костыги или в лапту. Вот комнаты отделаем я тебе утреннюю зарядку покажу... Упражнения первоклассные!

— У нас физкультура есть в школе, — вставил Панко.

— Знаю вашу физкультуру. К нам в учебный дивизион из школы ребята попадали. Ходить не умеют. Мы их по шесть часов в день строевой гоняли. Месяца через три такие из них орлы получались! Смотреть приятно, как ножку дают.

Африкан увлек рассказами детей, и они только на рассвете прекратили работу. После чая Люба ушла на скотный двор, а Панко умылся, переменял рубаху, штаны, пошел в школу вместе с дружкой Мартьяновым.

В морозном утреннем воздухе слышно было за окном, как Панко, повстречав на улице школьников, громко кричал что-то задорное. Африкан остался в избе заканчивать обмазку стен.

К вечеру обе половины избы были оштукатурены, пол вымыт, в железной печке трещали ярко горевшие дрова, по трубам неся жар.

Африкан пришел к Мартьяновым, отозвал в угол Василия, тихо, чтобы не слышали ребята, спросил:

— У тебя костюмишко остался? У меня Любка прожила.

— Тебе на что?

— Съездить в одно место... Свататься.

— Куда?

— В Перебатино. Катерину Круглову знаешь?

— Слышать-слыхал, а не знаю.

— Так вот, дай костюм. В солдатском не хочу. Скажут, у него кроме ничего нет, бедной, работать не любит.

— Бери,—сказал Василий,—действуй! Пальто, шапку, сапоги хромовые. Только ты ведь меня подлиннее.

— Ничего, чуть рукава коротки будут.

Василий принес из горницы праздничную одежду, пахнувшую нафталином. Пиджак был чуть тесен и короток, все остальное впору. Александра и Люба шептались около печки.

— Куда это вы на ночь глядя? — спросила Александра.

— В гости к корешку, вместе служили.

— К корешку можно и в гимнастерке.

— Нет,—сказал Африкан. — Гимнастерка красна погонями, без погон — серая рубаха. Корешок большой чин, полководец... Панко, беги к Божатко, скажи — папа готов, пусть скорей лошадь запрягает.

В новой сатиновой рубахе, жилетке, пиджаке нараспашку, с выпущенными поверх голенищ брюками, Африкан прошелся по избе.

— Бабы, какво оперение?! А?! На осеннего петуха схож? — спросил он, выпятив грудь.

— Папка, куда ты едешь? — насупила брови Люба.

— Молчи, дочка! Худого не сделаю. Ты не топи избы без присмотра, просушивай, когда свободна... Впрочем, я скоро.

Он взялся за пальто, как вдруг спохватился,
— Да, Василий! А ордена? Дырки надо ко-

лоть! — сказал Африкан, доставая из шкафа ордена и медали.

— Давай проколю! У меня один есть. Подумаешь, лишняя дырка, заштопаем! — Василий взял шило и проткнул в двух местах пиджак по правому борту.

До Евлашева Африкан быстро гнал лошадь. Подъехав к дому Алеши Потанина, он вбежал в избу, стащил старика с печи.

— Скорей, скорей! — кричал Африкан. — Давай чашки, разопьем пбл-литра, да едем. Забирай гармонь... Тулуп в возке.

— Куда?.. Ошалел? — бегая по избе, суетился Алеша.

— Какое ошалел! Проворонь — загребут. Знаю я эти дела. В Перебатино Катерину сватать.

XIV

Лесом, по проселкам, было ближе, нometель перемела путь, решили ехать через село, оттуда на Перебатино шла широкая проезжая дорога. Крюк был большой. Как Африкан ни торопился, пришлось согласиться с Алешей.

— Поезжай, — передал Африкан вожжи. — Ночи не сплю, все с избой убиваюсь.

Он упрятал голову в воротник пальто, свернулся на сене, сразу крепко уснул. Когда проснулся, лошадь стояла в проулке — у ворот незнакомого дома, Алеша выбирал из возка сено.

— Вставай, я свое дело справил, — сказал Алеша. — Вот дом Катерины. Иди, буди, кажись спят.

— Мать ты моя, — поднялся Африкан с сена. Выпростал ноги из возка, сел на край. — Что же нам делать? Видно, поздно!

— Как не поздно? Двенадцать. Только что сторож часы отбивал.

— Тихо ехал... Я думал, часов в десять будем.

— Дорога-то?... замело. Километров двадцать будет. Чуть не сбился, темень.

— Вот так раз! Сваты приехали. Поцелуй пробой, да поезжай домой...

Перебатино — старое село с церковью — раскинулось по берегу большой сплавной реки, лес с севера подходил к постройкам, слева, за домом Катерины, слышался отдаленный шум проходящего поезда, слабый отсвет станционных огней мельтешил на горизонте. На широких улицах было пустынно и тихо, кое-где мерцали огоньки, освещая сугробы снега под окнами.

Африкан, нагнувшись, сидел на краю возка, курил, покачивая головой.

— Теперь что же?... Выпить, у меня еще пол-литра есть в сене, проехаться по улице да завернуть домой. Чашки-то нет...

— Можно из горлышка, — сказал Алеша, топтавшийся перед ним в тяжелом овчинном тулупе...

Но Африкан с досадой махнул рукой.

— Помнишь, как мы с тобой Надежду мою увозили? — проговорил он задумчиво.

— Как же, давно ли?..

— Восемнадцать лет... С веселой я ее уговорил да к тебе в дровни, в тулуп завер-

нули и пошла чесать... Тесть полгода в дом не приходил, потом помирились, приданое отдал. Неувези бы Надьку, сама не знала за кого выходить, все ребята за ней ухаживали хорошие... Вот тут поворота-то и нельзя делать. На бобах останешься, — раздумывал он вслух.

— Буди! — решительно сказал Алеша. Ему хотелось скорей в тепло, согреться, выпить. — Не царица, встанет.

— Пойдем! — встал Африкан.

Они подошли к низенькому открытому крыльцу.

— Подожди, — тихо сказал Африкан. — Умоюсь снегом, — со сна, поди, квелый.

Он отошел от крыльца к сугробу, снял шапку, пухлым снегом вымыл руки, лицо, утерся платком. Провел гребнем по волосам. Перепрыгивая через ступеньки, взбежал на крыльцо, постучался. В избе было тихо. Он снова постучал сильнее и настойчивее. Ответа не было.

— Вишь, разоспалась баба, — проворчал Алеша.

Африкан постучал по стеклу окна, выходящему на ступеньки лестницы.

В избе завозились. Скрипнула дверь, и он услышал недовольный голос Катерины.

— Кто там?

— Я, Катерина Михайловна, — дрогнув, но смело произнес Африкан.

— Не узнаю, кто это? — переспросила она.

— Жихарев! Пусти отогреться... Едем попутным делом, со станции... Прямо замерзли, честное слово. Пусти, Катерина Михайловна!

Она некоторое время не отвечала, видимо

раздумывая. Африкан слышал за дверью ее дыхание.

— Вы одни? — осторожно спросила она.

— Вдвоем с товарищем. . . Лошадь у ворот ваших привязали.

— Подождите, — сказала она и хлопнула дверью.

В избе зажгли лампу. С крыльца Африкан заглянул в боковое окно, выходящее в проулок. За занавесками колыхались тени.

— Их двое, — проворчал он.

— Может, ребенок, — взгляделся Алеша.

— Да, верно, она говорила у ней дочка лет пятнадцати. . . С чего и начать, не знаю? Срам какой, с постели подняли. Как разбойники врываемся. Возьмет да не откроет! Ох, ты, дедко, ехал тихо.

Катерина открыла дверь.

— Милости просим, — сказала она. — Заходите.

— На одну минуточку, согреемся да и уйдем, — сказал Африкан с дрожью в голосе.

В маленькой кухне было темно. Африкан и Алеша топтались около двери. Дочка Катерины, высокая стройная девочка, весело поздоровавшись, юркнула к печи, сняла оттуда самовар, поставила его на скамеечку к вытяжной трубе.

— Проходите, проходите, — приглашала Катерина. — Раздевайтесь, скорее согреетесь.

Африкан сбросил пальто, шапку, снял вальные галоши, прошел в избу.

— Извините, беспокойство вам задал. . . Получилось так. . . Ехали мимо.

— Какое беспокойство?.. Мы с дочерью только уснули.

Катерина с удивлением смотрела на его праздничный наряд, на ордена.

— Алеша, сходи-ка к возку за посудинной... Разопьем да и марш домой, — сказал Африкан. — Со станции на перепутье заехали.

— Вижу, с какой вы станции, — с усмешкой заметила Катерина.

— А что?

— Не картошку ли возили? — лукаво спросила она.

— Да, картошку, — прищурил глаза Африкан.

— Ну так посидите немножко, я к соседке сбегая... Поди, мешки ворочали, устали?.. Чаю попьете и поедите.

— Задали мы вам беспокойства... Право сейчас уедем.

— Здесь я хозяйка. Раз вошли в избу, сидите и слушайтесь! — и с этими словами ушла из дома.

Африкан сел на лавку. Изба была небольшая, в три окна. Во всем чувствовалась заботливая, умелая рука хозяйки. В простенке сверкало большое зеркало, на окнах чистые, светлые занавески. Никелированная кровать с горой подушек стояла у печки, закрытая розовым покрывалом. Дубовый посудный шкаф, комод, столик с письменным прибором, полка с книгами...

„С женщинами никогда не угадаешь, как лучше? — размышлял Африкан. — Ну, приехал

поздно, виноват. Приглашала ведь на собрании, — приглашала. Так зачем к соседке бежать?.. Того гляди, смотрины жениху устроит. Посидели, поговорили бы... Алеша бы сыграл для веселья... Эх, может быть, зря на лошади приехал, да еще с Алешей... Одному бы придти под вечерок, чтоб никто не видел..."

Он терпеливо поглядывал на мерное качание маятника. Катерина как в воду канула.

На кухне зашипел самовар. Брякнула крышка о конфорку. Дочка Катерины легко вбежала в избу, стала раздвигать стол, но половинки крепко держались шпонками

— Давай помогу!—предложил Африкан. — Как тебя звать-то, доченька?

— Вера, — ответила она.

Они раздвинули половинки, вложили в середину дощечку. Девочка накрыла стол полотняной скатертью, достала из шкафа тарелки, чашки, ножи, вилки...

— Зачем столько посуды наставляешь? Гости, что ли, будут?—с улыбкой спросил Африкан.

— Мама велела, — ответила Вера, заботливо осматривая стол.

— Ну, раз мама велела, ничего не поделаешь, — вздохнул Африкан.

XV

Катерина явилась в компании подруг, в новом шерстяном платье. Она познакомила Африкана с подругами, и сразу изба наполни-

лась веселыми возгласами, смехом. Все бросились помогать Катерине. Через несколько минут на столе появились соленья, рыба, сало, водка и красное вино.

Пришел с женою Филипп Круглов, брат мужа Катерины, сухощавый человек с окладистой бородкой, в военной гимнастерке и шароварах, отслуживший исполнительный солдат, каких было много в полку Африкана.

Африкана усадили за столом, в самом центре, чтоб был виден бабам, постепенно наполнявшим кухню. По селу уже из дома в дом передавалось:

— У Катерины Кругловой смотрины. Приехал Африкан Жихарев из Чаромы.

Движимые любопытством, бабы и девки все прибывали. Из кухни перебрались в избу, встали вплотную к столу. Появились и молодые парни, зашедшие с посиделки.

Алеша к столу не пошел, устыдился своей старой рубахи. Катерина принесла ему в кухню чашку водки, стакан чаю и соленых рыжиков.

За столом становилось все оживленнее. Лукаво глядя на Африкана, женщины допытывались, признает ли он любовь.

Затея Катерины устроить смотрины теперь Африкану нравилась. Он отшучивался на вопросы, бросаемые ему со всех сторон.

Филипп Круглов степенно сказал:

— Я так понимаю, человеку нужны дом, семья и работа — и он счастлив.

— Но почему есть счастливые семьи и не-

счастливые — заметила одна из женщин, смотря на Африкана.

— Природу не умеют подслушать, — ответил Африкан. — Сходятся лишь бы семьей обзавестись. Я еще в армии был, а бабы у колодца невесту уж подыскали. Посмотрел на нее, сердце не колыхнулось. Ну и отставил. Природа подскажет кого любить. — Он взглянул на Катерину, сидевшую, как и полагалось на смотринах, против него.

— Скажите, Африкан Иванович, но ведь в семье кто-то должен подчиняться — мужчина либо женщина. Где же тут равноправие? — спросила круглолицая девушка, счетовод колхоза.

— Вот вы какая! Сразу — начальники и подчиненные, а не муж и жена...

— Вот скажите, — настаивала девушка.

— Как, товарищ Круглов? — обратился Африкан к Филиппу. — Ответить разве по-солдатски? Как нас в армии учили? .. Ну-ка, скажи им!

— Хочешь командовать, научись подчиняться, — ответил Филипп.

— Вот наш солдатский ответ, девушка! — добавил Африкан. — Мы в учебном дивизионе курсантам, будущим командирам, всегда говорили: научись подчиняться — научишься и командовать.

— Значит, женщина сначала подчинись мужчине, а потом командуй! — недовольно сказала девушка.

— Вовсе нет, — поправил Африкан. — Пожалуй, наоборот: мужчина сначала подчинись, а потом командуй.

— Все-таки командуй! И то и другое нехорошо.

— Вам хотелось бы как в классе — по расписанию, — с усмешкой произнес Африкан. — Так я вам скажу, чтоб не спорить: женщина — на работе товарищ, а в семье — полководец!

И тут все выпили по предложению молоденького счетовода за хорошее отношение к женщинам.

Вдруг от двери послышался густой бас Ульяна, председателя колхоза.

— Где он, мошенник? — кричал Ульянов, протискиваясь сквозь толпу. — Вот он, злодей! Африкану Ивановичу почтение! — протянул он через стол руку.

— Чем это я тебя обидел, Ульянов Гордеич? — с удивлением спросил Африкан.

— Да как же?! Вот с хозяйственником, — указал он на вошедшего с ним сухого, поджарого члена правления в длинном пальто и высокой каракулевой шапке. — Ночи не спим из-за пустопlesia твоего... Сидим, подсчитываем, переворачиваем все на попа. Был вчера у председателя рика, предварительно план колхоза носил на рассмотрение. Стал он проверять. А как же, — говорит, — с пустоплесем? На совещании жихаревское обращение принимали?.. Принимали. Иди обратно! Как же не мошенник? Все на попа перевернуть надо. Работы сколько задал.

— Точно, Африкан Иванович! — тенорком вставил член правления. — Как будто бы пустячок?.. Пять-шесть гектаров. Но! — он много-

значительно поднял палец кверху. — Тут-то и запятая, если все учесть. . .

— С нами за компанию, стаканчик чаю, — предложила Катерина.

— Выпью. . . Устал за планом. Злой, как волк, — он бросил в угол пальто и шапку, подсел к столу.

— Председатель рика, — продолжал Ульянов, — сам смеется. . . Пустоплесья, — говорит, — чтоб не было в районе. Ну, мы так думаем. Пять гектаров целины весной подыдем. Да гектарчика три старой пашни окультури́м — заброшенный участок. Осенью прогалинку вздымем. Оно, конечно, ты прав. Пустоплесье изгнать надо. Люди мы передовые по сельскому хозяйству. Работы хватит годочков на пять, чтоб все земли по-настоящему зацвели.

— В пять не управишься, Ульянов Гордеич, — сказал Африкан. — На все десять рассчитывай.

— Как на десять? — вскинул он на Африкана круглые глаза.

— Окультури́м землю, разведем животноводство. Будем брать такой урожай, какой захотим. . . Ну, а кто будет асфальтные дороги между колхозами прокладывать, электростанции строить? . .

— Сатана ты, Жихарев, не даешь отдохнуть. . . — расхохотался Ульянов.

Выпив чаю, Ульянов вдруг сурово спросил Африкана:

— Ты не к Катерине ли моей подлаживаешься? Голову снесу. Куда я без нее? . . Овощевод первой категории.

— Что вы, Ульянов Гордеич, — вмешалась Ка-

терина. — Точно лучше меня и людей здесь нет? Любую звеньевую ставь бригадиром, подготовлены.

XVI

Африкан так ничего и не сказал Катерине, ради чего приезжал. Прощаясь среди шумной толпы баб, он пригласил Катерину к себе, как требовало того приличие, когда при смотринах стороны нравились друг другу.

— Милости просим к нам в Чарому. Будем ждать.

— Наведаемся как-нибудь, — ответила Катерина.

— Желательно денька через три, — подчеркнул Африкан. — После как бы не было поздно?

— Что ж, подумаем, — сказала Катерина, вздохнув.

В возке спал пьяный Алеша. Африкан отвязал лошадь, начал осаживать ее из тесного проулка на дорогу, растормошил Алешу, и они понеслись по снежным улицам села. Дорога шла к лесу. Тучи закрыли светлую луну, снега потемнели. Дул холодный ветер, нагоняя облака. Алеша пел надрываясь, охрипшим голосом.

— Перестань, сорвешь глотку, — урезонивал Африкан старика.

— На что мне голос беречь? — крикнул Алеша. — Я Лушу прозевал, ты Катерину. Нас с тобой обоих на свалку.

— Меня на свалку?

— Тебя! Почему не везем Катерину? — не унимаясь, орал Алеша.

— Я и не собирался увозить ее. Что ты! Ишь ты, старый похититель, разохотился.

— А зачем ездили?

— Познакомиться, побеседовать.

— Побеседовать! Угостили чаем, посмеялись над нами и все. Смотрины жениху устроили. Поди, бабы сейчас хохочут.

— Как хохочут? — остановил лошадь Африкан.

— Так! Жалко, что ли, стакана чаю?

Африкан резко повернул назад. Лошадь попала в канаву и зарылась в снег по холку. Африкан выскочил из возка, утопая в снегу, вывел лошадь на дорогу.

— Куда ты? — кричал Алеша.

— За Катериной, — и Африкан что есть духу погнал обратно.

В избе у Катерины был еще свет. Африкан взбежал на крыльцо.

— Не спит, — подумал он. — Да что, в самом деле?.. Смотрины устроила... три дня ждать... маленькая что ли, сказать да или нет?

Он постучал сильно, настойчиво. Катерина выбежала на стук.

— Что с вами? — тихо сказала она, не удивляясь его возвращению.

— Ничего же я не спросил! — волнуясь, заявил Африкан.

Она подалась назад в сени. Африкан переступил порог.

— О чем не спросили?

— Вот вы какие, — он взял ее за руку. —
Надо обязательно сказать...

— Ну, скажите.

— Был бы молодой, — шептал он, схватив
другую ее руку. — На посиделках затиснул бы
в угол... Любишь? — „Люблю“ — Пойдешь
за меня замуж? — „Пойду“. Скорей в тулуп да
марш домой. Батяка с маткой только бы
ахнули... Я ведь так Надежду свою увез.

— Чего вы жену вспоминаете? — освобо-
ждая руки из его горячих ладоней, сказала
Катерина.

— А вы мужа вспоминайте! Был ведь?..
Хороший?..

— Хороший!

— А я?..

— Все бабы в один голос сказали: само-
стоятельный, хозяин.

— А ты баб и послушалась? — недовольно
спросил Африкан, распахнув полы пальто и
укрыв Катерину. — Замерзла, — обнял он ее.
— Зачем людей назвала?

— Испугалась... Да дочка стыдно, — шо-
потом ответила Катерина. — Прибежала к со-
седке, она и посоветовала.

Они стояли в холодных сенях в углу. Ка-
терина прильнула головой к груди Африкана
и тихо, тихо плакала. Наконец-то она до-
ждалась с фронта мужа.

— Не надо, не надо... Понимаю, ждала пять
лет Василия, а пришел Африкан... Что ты бу-
дешь делать?.. Меня, вот видишь, тоже только
еще встречает женка... маленькая ты моя.

— Ой, как стыдно... Дочки стыдно. Знаю,

ничего не скажет. Только посмотрит, — что ты, мол, мама выдумала? Душу выворотит.

— Твоя-то, кажется, смиренная, — сказал Африкан. — Вот, что моя скажет? У меня ведь Любашка за хозяйку, прямо мать всему семейству. Как собирался к тебе, следила, молчала. Поняла, куда еду. Не утерпела, спросила, куда, мол? Поди, ждет, ночь не спит... Ты знаешь, сколько у меня ребят?

— Знаю, бабы сказывали.

— Один-то нагулыш. Да куда его деваешь? Такой растет крепкий. Ни отца, ни матери. Ты уж за мать ему будь. Может, — кто его знает, — он всех и лучше будет. Как никак, а всё равно наш парень.

— Маленький что?.. Вдруг я с твоей дочкой не полажу. Большая ведь.

— Я думал уже об этом, — серьезно сказал Африкан. — Она семилетку окончила, да два года из-за семьи не училась. Учиться надо. Уедет в город.

— Мою тоже надо с осени в техникум отправить.

— Ну вот, одни малыши останутся... Маловато будет. Еще добавлять придется.

— Будет тебе об этом... Ой, стыд какой! Я ведь и замуж не хотела выходить, думала — так проживу. Откуда ты и взялся? — обняла Катерина Африкана.

— Маленькая ты моя! Да из Чаромы. Об Афришке Жихареве не слыхала раньше?

— Слыхала, драчун был.

— Теперь не дерусь, смиренный. Взглянешь ласково, горы сворочу... Увидал тебя в селе

первый раз, сразу сам не свой стал. . . Почему это так? . . . Потом пригляделся, верно — не ошибся. Жить без тебя не могу. Главное — понимаем друг друга.

— Я тебя тоже все ждала, ждала. . . И зачем ты пришел? Всю мою жизнь перевернул.

Неповторимые, счастливые минуты прервал Алеша, появившийся на крыльце.

— Сосватались? — прошамкал он беззубым ртом.

— Чего тебе? — сердито спросил Африкан.

— Озяб. . . Прямо задрог, — сказал Алеша детски плачущим голосом. — Да есть хочу.

— Надо накормить старика, сватуна моего, — сказал Африкан, высвобождая из объятий Катерину. — Он подзадорил, я и повернул лошадь назад.

И все трое пошли в избу.

XVII

Решено было сыграть свадьбу. Божатко дал денег, у Катерины также были сбереженья.

— Как бы не зажитья, — сказал Божатко, подавая деньги, — Дарья все прихварывает. Один останусь, к тебе приду жить.

— Воистину у нас человек не пропадет, — произнес Африкан. — Напоят, накормят, женят, только работай, не ленись.

Готовясь к свадьбе, Африкан побелил потолки и стены избы. По вырезанным трафаретам Панко и Люба разрисовывали цветочками стены. С мороза было приятно войти в теплые, чистые и светлые комнаты.

— Скорей, скорей! — поторапливал детей Африкан.

Все в нем внутри пело, он готов был крикнуть даже печке с трубами, топившейся для просушки: скорей суши, железная! Ясные глаза Катерины неотступно преследовали его. Большая, долгая, счастливая жизнь развертывалась перед ним.

— Я знаю Верку Круглову, — сказал Панко Любе, обмакивая кисточку в краску. — Она с отрядом к нам в школу приезжала. Речь говорила, да сбилась... Мы еще хохотали. Такая длинная, неловкая.

Люба ни о чем не спрашивала отца, все эти дни сторонясь его. Ей был неприятен приход в семью чужой женщины. Выходило так, точно отец, придя с фронта к заждавшейся своей семье, вместо необходимого покоя и ласки, женитьбой приносил с собой новые огорчения. Любу он хотел послать в город учиться и знал, что из нее выйдет дельный, серьезный работник. Он понимал, что его женитьба хотя и усилит в первые дни горечь воспоминаний о матери, но зато освободит Любу от семейных забот. Он следил за сосредоточенной Любой и тоже молчал, ожидая, когда она немного успокоится.

Валя с Ванюшкой на руках не отходила от Любы. Она развлекала Ванюшку цветочками, появлявшимися под руками Любы.

— Смотри-ка, листочки зеленые, а головушка у цветка розовая... Еще один! Красиво!

Ванюшка потянулся рукой к свежим цве-

точкам, но Валя, отстранив его, вдруг тихо спросила Любу.

— А она добрая? Ты ее знаешь, Люба?

Люба бросила кисти и банку с краской на пол, схватила Ванюшку и, крепко прижав мальчика к себе, с сердцем крикнула сквозь слезы:

— Не знаю. . . Добрая, злая? . . На что мне она! Мамочка ты моя родная! Не ведаешь горя нашего! . .—она прижимала к себе Ванюшку, задыхаясь от судорожных рыданий.

Африкан, прибывавший вешалку у дверей, услышав плач, прошел в избу.

— Любашка, что ты? . . Разве так можно?

— А как? — крикнула она. — Ждали, ждали четыре года. Думали — покой, отдых дашь. . . Пожил две недели, да уж мы и надоели? . . Что ж, не побоюсь, возьму Вальку с Ванькой, уйду к чужим людям жить. . . Проживем, не беспокойся, милостыню просить не будем. Пусть эти цветочки чужой бабе остаются. . . Мы и в грязи, и в холоде проживем!

Маленькая, с разъяренными глазами, она прижимала к груди вдруг отчаянно закричавшего Ванюшку.

— Стыдись! Что ты, глупая, — шагнул Африкан к дочери.

— Ты только не бросишь меня! — обнимала и целовала Люба плачущего Ванюшку.— Один остался. . . Выкормлю. . . Воспитаю. . . Мой, только ты один мой. . . Никому не отдам. . . Мамочка моя родная!

Ванюшка ревел на всю избу. А Африкан обнял за плечи Любу и, отстраняя от нее Ванюшку, настойчиво говорил:

— Отдай, отдай его Вале... Отдай... —
Валя подхватила Ванюшку, и он сполз к ней на руки.

Африкан гладил вздрагивающие плечи дочери, целовал в голову, успокаивая.

— Устала, маленькая моя мамка! Тяжеленько, я знаю... Ведь не только для себя это делаю — и для тебя, и для ребят... Ты освободишься от заботы, поедешь в город учиться...

— Никуда я не поеду, — плача, отвечала Люба, прижимаясь к нему.

— Сейчас так говоришь, зря... Успокоишься. Пройдет это... Тебе кажется, что с Ванюшкой да Валькой жизнь проживешь... А настанет час, и их бросишь... Вот еще повзрослеешь. Да что говорить, уж ты не маленькая. Полюбишь ведь тоже...

— Никого я не люблю. Неужели нельзя без этого прожить?

— Нельзя, доченька, нельзя.

На пороге появился Никифор. Люба отпрянула от отца, схватила с печи шаль и, хлопнув дверью, выбежала на улицу.

— Что это у вас такое? Никак перед свадьбой слезы? — спросил Никифор, стряхивая венником снег с валенок.

— Да, немножко объяснялись по семейным вопросам, — ответил Африкан.

— Это хорошо, — сказал Никифор, пытливо взглядывая на товарища. — Слезы к радости. Раз слезы, значит дело всерьез. Вот если бы начали с зубоскальства, тогда хорошего не жди.

— Ты прав, как всегда. Как дела? Успешно ли?

— Вот слушай, — ответил Никифор. — Раз

уж вы мне с Мироном поручили сколотить овощеводческую бригаду, почти все сделал.

— Да, кто же лучше с людьми поговорит, как не ты? — заметил Африкан. — Никого не огорчишь, расскажешь обстоятельно. За тобой все пойдут.

— Вот то-то и дело, что не все. Десять человек верных, надежных подобрал. Еще четырех надо. Дай-ка, думаю, к Татьяне Малининой зайду. Женщина небогатая. Парень, девка у нее. На огороде, можно сказать, постоянный заработок на весь год, с ранней весны до глубокой осени. На что лучше! Так знаешь, что она мне сказала? Это говорит, Африкану, он женится, ему много надо, а нам ничего не надо, проживем как-нибудь и без большого. Вот, какая история. И не от нее одной это слышал: проживем и без большого, так и говорят. Для чего расширять площади обработки, и так работы хватит! Вот какое мнение, с ним еще столкнешься.

— Ну что ж, — сказал Африкан подумав. — Помнишь, как шли мы по дороге к дому? Бежали домой, скорей бы добраться до своего угла. . . А что впереди нас ожидало? Никто из нас не знал. Добраться бы только. Родное свое увидеть. . . Ну вот, теперь все и узнали, все и понятно, с чего начать. Ты говоришь — слезы к радости. Переживем слезы, конечно будет и радость. Так и в работе нашей колхозной. Пусть говорят, нам большого не надо. А мы им докажем, убедим, за собой поведем. Ведь мы Европу прошли, мы сильнейшего, свирепейшего врага победили.

Понятно, Никифор? О чем еще говорить!.. Да эти же люди через год нам спасибо скажут, когда это большое к ним сытой, культурной жизнью в избу войдет. Вот вошли мы с тобой в Чарому, огляделись, ясна стала наша линия, и будем ее проводить. Не так ли?

— Так, так, — подтвердил Никифор.

— Вот теперь только и начнется наша с тобой работа. Приходи ко мне на свадьбу. . . Отпразднуем свое возвращение, да и на правый фланг в строй. Надо полагать, ходить мы научились, не собьем колонны.

. . . . .
В обеих половинах избы были расставлены столы, полные снеди. За столами — друзья и родные: сестры Африкана с мужьями, братья и сестры Катерины, Никифор Огурцов, Василий Мартьянов, Мирон и Ульян, в шутку переругивавшиеся из-за Катерины.

Мирон торжествовал, кричал через стол Африкану, сидевшему с Катериной в переднем углу.

— А участок теперь тебе не отдам. Катерина этим делом заправлять будет. Тебе, мил дружок, за плуг, за плуг, поле пахать. Идейку дал — воплотим в жизнь. Но чтоб такому, да с лопатой ковыряться — не позволю, шалишь! Этим займутся женщины.

— Согласен! — ответил Африкан. — Уступаю идею. Пахать буду. Но пока огород разделяется, новая идея придет. . . Впрочем, слушать мою команду. Я князь сегодня! — крикнул он. — Наполнить чаши веселой брагой! Божатко, тысяцкой мой, проследить! Алеша! Самый боевой марш!

И когда были налиты стаканы и чашки, Африкан встал и, окинув смелым взглядом застолье, произнес тост.

— Пью за то, чтобы прямая наводка нашей доблестной артиллерии оставалась попрежнему страшной грозой для врагов! Мы, землеробы, должны напоить и накормить славные боевые расчеты! В этом соль!

— А кони чтоб были в теле! — крикнул Никифор. — Так, чтобы до большого города командиров в любой момент можно было везти. — В глазах Никифора впервые увидел Африкан не заботу, поедом евшую его всю жизнь, а упрямство и смелость.

— Да здравствуют минеры! — крикнул Василий Мартьянов.

— Горько!.. Горько!.. — закричали гости, протягивая над столами рюмки и чашки.

Катерина встала рядом с Африканом; они взялись за руки и церемонно поцеловались три раза.

— Горько! — вдруг встала с места Люба.

Отец с матерью поцеловались еще раз. Люба залпом выпила рюмку и, возбужденная, покрасневшая, села на место рядом с Верой, по-детски наивно смотревшей на свою новую старшую сестру, с которой ей строго наказывала мать жить дружно.

Вся Чарома была в избе. Люди стояли вплотную к столам; такого веселья еще не было в деревне после войны.

А за стеной мартовский ветер со свистом мчался вдоль улиц, но в его завываньях уже слышался приход весны.